

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ядрищенская Ксения Юрьевна

**ОЦЕНКА БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЛЕНОВ РОССИЙСКИХ
ДОМОХОЗЯЙСТВ С УЧЕТОМ ДАННЫХ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ
СУТОЧНОГО ВРЕМЕНИ**

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(экономика народонаселения и экономика труда)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата экономических наук

Научный руководитель:
д.э.н., профессор
И.Е. Калабихина

Москва – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования благополучия.....	15
1.1. Концептуальные подходы к определению и измерению благополучия ...	15
1.2. Роль распределения времени в формировании благополучия индивидов	21
1.3. Методические подходы к моделированию благополучия	28
Глава 2. Данные и методы оценки благополучия членов российских домохозяйств	33
2.1. Формирование эмпирической и аналитической базы исследования	33
2.2. Ключевые характеристики наборов данных о распределении времени 2019 и 2024 гг.....	37
2.3. Специфика данных о распределении суточного времени.....	46
2.4. Методология оценки благополучия с учетом распределения времени	49
Глава 3. Связь распределения времени и благополучия членов российских домохозяйств.....	56
3.1. Благополучие членов российских домохозяйств с учетом распределения времени в контексте основных видов деятельности	56
3.2. Разновидности досуга в оценке благополучия.....	64
3.3. Социально-демографическая дифференциация благополучия с учетом распределения времени	66
3.3.1. Связь распределения времени и уровня благополучия в разных возрастных группах	66
3.3.2. Уровень благополучия у мужчин и женщин в контексте индивидуального распределения суточного времени.....	69
3.3.3. Связь распределения времени и уровня благополучия в многодетных семьях и семьях с одним родителем	71

3.4. Уровень благополучия у мужчин и женщин в контексте распределения суточного времени между супругами	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	81
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	85
ПРИЛОЖЕНИЯ	104
Приложение 1. Описание укрупненных категорий видов деятельности.....	104
Приложение 2. Возрастно-половая структура наборов данных в разрезе ключевых характеристик.....	112
Приложение 3. Усредненная структура распределения времени по видам деятельности для занятых на рынке труда индивидов.....	115
Приложение 4. Визуализации плотности распределений времени на укрупненные виды деятельности двух волн обследования бюджетов времени	116
Приложение 5. Результаты оценки модели на выборках рабочего и выходного дней с дифференциацией досуговых видов деятельности.....	118
Приложение 6. Результаты оценки модели на выборках, разделенных по возрастным группам	119
Приложение 7. Результаты оценки модели для мужчин и женщин.....	120
Приложение 8. Результаты оценки модели на выборках, состоящих из многодетных семей и семей с одним родителем	121
Приложение 9. Результаты оценки модели на выборках, состоящих из семейных пар.....	122

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Благополучие индивидов является одной из основных характеристик общества. Несмотря на большое количество исследований, посвященных благополучию, подходы к пониманию его сущности и природы существенно различаются в зависимости от исследовательского фокуса. Главенствующий ранее подход, в основе которого лежала только материальная составляющая, постепенно утрачивает актуальность, так как доход не отражает весь спектр факторов, характеризующих благополучие. Например, увеличение дохода при избыточных нагрузках для его получения не всегда сопровождается ростом уровня благополучия. Смещение акцента с экономически детерминированного определения в сторону многомерного подхода, учитывающего в том числе нематериальные аспекты, позволит проводить более содержательный анализ благополучия в различных социально-демографических группах.

В качестве детерминант благополучия в исследованиях рассматриваются институциональные условия, социальные отношения, личностные характеристики и многие другие аспекты. Временной фактор при изучении благополучия зачастую остается без внимания и в отечественной, и в зарубежной литературе. При этом время является не менее важным ресурсом, который характеризует приоритеты индивидов и существующие ограничения.

Наличие связи между благополучием и использованием времени подтверждено в исследованиях, однако характер этой связи с разными видами деятельности в литературе изучен фрагментарно. В ряде работ рассматривается связь субъективного благополучия с распределением времени на отдельные формы активности, при этом мало обсуждаются вопросы об избыточных нагрузках (в том числе в домашнем хозяйстве). Согласно опросам, более половины россиян работают сверх установленной нормы. Женщины расходуют на ведение домашнего хозяйства в 2,5 раза больше времени чем мужчины. Недостаточное внимание к

бюджетам времени ограничивает понимание особенностей связи образа жизни с благополучием. В условиях дефицита времени и необходимости совмещения различных ролей, изучение связи поведенческих моделей, выраженных через распределение времени, с благополучием представляется особенно актуальным.

В рамках диссертационного исследования представлен системный подход к анализу связей авторской трактовки многокомпонентного благополучия для различных социально-демографических групп с распределением времени на основные виды деятельности (оплачиваемая работа, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, досуг и пр.).

Степень научной разработанности проблемы

Исследования благополучия занимают важное место в современном социально-экономическом дискурсе. Данным направлением занимались российские и зарубежные исследователи, среди которых А. Сен, М. Нуссбаум, Дж.Э. Стиглиц, Дж.П. Фитусси, М. Флербе, С. Алкир, Дж. Фостер, Л.Н. Овчарова, Е.И. Медведева, А.В. Ярашева, В.А. Аникин, Н.Д. Воронина, Ю.Б. Епихина и др.

Трактовка термина благополучие зависит от исследовательского фокуса. Утилитаристские подходы к определению описаны в работах Д. Гаспера, П. Долана и Т. Писгуд. Идеи о многомерности конструкта благополучия и необходимости учета в том числе нематериальных аспектов получили развитие в работах А. Сена, предложившего переход от показателя дохода к рассмотрению доступных индивиду возможностей. Позднее эти идеи поддержали и дополнили многие исследователи, в частности, М. Нуссбаум, Э.К. Мартинетти, Дж. Хокинс, К. Руджери, Р. Лэйард, Л.Н. Овчарова, О.Н. Антипина, Ю.Б. Епихина, Н.Д. Воронина и др.

Тематическое направление, связанное с изучением бюджетов времени, развивалось параллельно с исследованиями о сущности и природе благополучия. Наиболее значимыми фигурами в исследованиях времени как ресурса являются Г. Беккер, описавший теорию распределения времени, и Дж. Гершуни, чьи работы

формируют представление об изменениях в поведении людей через призму распределения времени между различными видами деятельности. Среди отечественных исследователей в числе первых данное направление начал развивать В.Д. Патрушев. Позднее методология бюджетов времени была использована в работах социально-демографической тематики (И.Е. Калабихина, Л.Н. Овчарова, М.А. Нагерняк, Н.С. Михайлова, С.М. Ребрёй).

Изучением связи благополучия индивидов с распределением временного ресурса занимались преимущественно зарубежные авторы. Необходимо отметить, что рассматривалось в основном субъективное благополучие. В научной литературе можно выделить несколько ключевых исследовательских траекторий. Наиболее распространенной из них является изучение связи благополучия с временем, распределяемым на оплачиваемую занятость.

Значимость компромисса между рабочей и личной жизнью, то есть низкого субъективного расхождения между фактическими и желаемыми профилями использования времени, подчеркивали П. Бёнке, Й. Мерц, М. Бауселс и Р.К. Зарин. Наличие связи между благополучием и временем на оплачиваемую занятость подтвердили А. Сулейман, Дж. Уэстон, К. Шао, П. Бертон и С. Фиппс. При этом мнения исследователей относительно характера данной связи существенно расходятся. Так, К. Шао, П. Бертон и С. Фиппс фиксировали отрицательный характер связи для субъективного измерения благополучия, а С. Холли и А. Мохнен указали, что переработки на рынке труда не являются причиной его снижения. В работе С. Майера и А. Штуцера описан перевернутый U-образный характер связи, предполагающий наличие оптимального количества рабочих часов.

Некоторые авторы уделяли внимание связи благополучия с распределением времени на досуговые виды деятельности, в частности, Т. Кассер, К.М. Шелдон, М. Окунь, А. Нильссон, Э. Орехек.

Важный вклад в формирование концептуальных основ данного исследования внесли работы, в которых изучается связь благополучия с распределением времени

внутри домохозяйства, а также роль гендерного неравенства в распределении времени. Данное направление развивали Л. Фурсман, Э.Ф. Шафер, Дж.К. Макканн и др. При этом исследования благополучия с учетом временного измерения на уровне домохозяйств требуют более сложного методического подхода и, как правило, редко представлены в литературе, составляя один из элементов новизны данной работы.

В России проблема связи благополучия с временными бюджетами изучена в меньшей степени. В отдельных работах обсуждается связь распределения времени с социальным благополучием [Овчарова и др., 2022], а также с благополучием многодетных семей и семей, характеризующихся «двойным» дефицитом – дефицитом времени и доходов [Калабихина и Шамсутдинова, 2023, Калабихина и др., 2022].

Таким образом, существующие исследования дают фрагментарное представление о связи благополучия с распределением времени на основные виды деятельности (работа, ведение домашнего хозяйства, досуг и пр.). Более того, характер этой связи недостаточно изучен на различных жизненных этапах, в разных социально-демографических группах, а также на уровне домохозяйств. Все эти аспекты определяют направление диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в выявлении связи между благополучием индивидов и распределением времени на основные виды деятельности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Предложить методологический подход к определению и измерению благополучия членов домохозяйств с учетом распределения суточного фонда времени.
2. Выявить связь благополучия членов домохозяйств с распределением времени на укрупненные виды деятельности.

3. Определить различия в характере связи благополучия членов домохозяйств с распределением времени в различных социально-демографических группах (возраст, пол, тип семьи).

4. Оценить благополучие супругов в российских домохозяйствах в зависимости от распределения времени партнера и между партнерами на основные виды деятельности.

Объект исследования – благополучие членов российских домохозяйств.

Предмет исследования – связь распределения времени и благополучия членов российских домохозяйств.

Научная новизна

1. Впервые предложен способ учета латентного характера благополучия в контексте эмпирических оценок детерминант благополучия.

2. Оценена связь благополучия членов домохозяйств с распределением времени на укрупненные виды деятельности в абсолютном выражении, а также представлены оценки связи с учетом перераспределения времени между разными активностями.

3. Выявлены различия в характере связи между благополучием членов домохозяйств и распределением времени на основные виды деятельности в разных социально-демографических группах (по возрасту, полу, типу семьи).

4. Оценено благополучие супругов в российских домохозяйствах в зависимости от распределения времени партнера и между партнерами на основные виды деятельности. При расширении анализа с индивидуального уровня до уровня семейных пар продемонстрирована значимость как персонального, так и относительного (между супругами) распределения времени партнеров.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании методологического подхода к определению благополучия с учетом структуры распределения времени, а также в описании нового способа идентификации факторов снижения благополучия для различных социально-демографических групп.

Предполагаемая практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при разработке и корректировке мер социальной политики, направленных на поддержку отдельных социально-демографических групп, в том числе многодетных семей и семей с одним родителем. Учет временного фактора при оценке благополучия расширяет возможности для более адресного воздействия на разные группы людей. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы при формировании политических инициатив в области занятости населения, направленных на улучшение баланса между трудовой и личной сферами в условиях ограниченности временного ресурса и необходимости совмещения ролей на разных жизненных этапах.

Теоретико-методологические основы исследования

Теоретическую основу диссертационного исследования составляют труды ученых, описывающих подходы к комплексному определению благополучия. В данной теоретической рамке благополучие не сводится исключительно к показателю дохода, а включает в себя в том числе характеристики человеческого капитала, которые отражают возможности реализации жизненных стратегий в полной мере. Подобные подходы описаны в работах В. Рутского, Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, Н.Д. Ворониной, Ю.Б. Епихиной и др.

В диссертационном исследовании ненаблюдаемое напрямую благополучие характеризуется с помощью трех ключевых индикаторов, включающих материальную обеспеченность (доход) и основные элементы человеческого капитала (состояние здоровья и уровень образования). Перечень показателей был

сформирован в соответствии с представлениями М.К. Нуссбаум, Дж.Э. Стиглица, Дж.П. Фитусси, М. Флербе, Р. Лэйарда, Л. Ян, С. Алкира, и Дж. Фостера, в работах которых подчеркивается значимость одновременно материальной компоненты и человеческого капитала. Как и в работе Л. Ян, в диссертационном исследовании предполагается, что каждый из указанных индикаторов человеческого капитала представляет собой результирующую характеристику благополучия, а не ресурсную.

Важной теоретической основой исследования также являются идеи, представленные Г. Беккером, Дж. Гершуни, В.Д. Патрушевым и др. о целесообразности рассмотрения времени в контексте благополучия. Анализ поведенческих моделей индивидов позволяет определить, как вовлеченность в разные виды деятельности связана с благополучием, а также оценить роль дефицита времени и его относительного перераспределения между различными видами деятельности.

В ходе работы использован инструментарий сравнительного, статистического и эконометрического анализа. Для оценки ненаблюдаемой переменной благополучия и ее связи с распределением времени используется модель множественных индикаторов и множественных причин (MIMIC), впервые представленная К. Йёрескогом и А. Гольдбергером в 1975 году. Являясь разновидностью моделирования структурными уравнениями, данный метод позволяет одновременно оценить скрытую (ненаблюдаемую) переменную и ее связь с наблюдаемым набором факторов.

Информационная база исследования

Информационной базой исследования служат данные двух волн выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного Федеральной службой государственной статистики в 2019 и 2024 гг., а также публикуемые Росстатом данные о стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг за 2019 и 2024 гг.

Положения, выносимые на защиту

1. В качестве индикаторов благополучия выбран теоретически обоснованный перечень ключевых показателей, включающий в себя материальную компоненту – доход, а также уровень человеческого капитала – образование и состояние здоровья. Предложенный подход позволяет преодолеть ограниченность традиционных одномерных оценок и получить комплексное представление о связи решений о персональном и супружеском распределении времени с уровнем благополучия.

2. Благополучие членов домохозяйств устойчиво и статистически значимо связано с распределением времени на основные виды деятельности. Характер связи с временем, распределяемым на оплачиваемую работу, перевернутый U-образный, максимальный уровень благополучия достигается при 5–6-часовом рабочем дне. Для времени на уход за детьми характер связи U-образный, минимальный уровень благополучия достигается при временных затратах на данный вид деятельности в пределах 5–6 часов. Для времени на ведение домашнего хозяйства характер связи линейный отрицательный. Для времени на активные и развивающие формы досуга характер связи перевернутый U-образный, максимальный уровень благополучия достигается при расходовании времени на спорт, чтение и хобби в пределах 2 – 3 часов в день. Характер связи с временем на пассивные формы досуга (медиапотребление, компьютерные игры и пр.) линейный отрицательный.

3. Возраст, пол и тип семьи членов домохозяйств связаны с благополучием. А именно: с возрастом растет уровень благополучия, после 40 лет – снижается, после 65 лет значимость возраста исчезает (при учете разной структуры благополучия). Благополучие женщин связано с балансом в распределении времени, для мужчин почти все виды деятельности помимо оплачиваемой занятости представляются в виде дополнительной нагрузки и ассоциируются с более низким уровнем благополучия. Время на уход за детьми не связано с благополучием многодетных семей и семей с одним родителем, но количество совместно проживающих детей до 15 лет имеет значение (положительная связь у многодетных и отрицательная связь у семей с одним родителем).

4. В семейных парах уровень благополучия каждого из партнеров связан с распределением времени супруга и с различием в распределении времени между видами деятельности в паре. Уровень благополучия женщин положительно связан с долей времени, которую супруг распределяет на доходные виды деятельности. Уровень благополучия мужчин отрицательно связан с долей времени, которую супруга распределяет на оплачиваемую занятость, ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, и положительно – с долей времени на восстановительные виды деятельности. Более эгалитарное распределение времени между супругами связано с более высоким уровнем благополучия обоих партнеров.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования обеспечивается последовательным и уместным использованием современных научных методов, опорой на исследования отечественных и зарубежных ученых, а также использованием надежного и релевантного источника статистических данных.

Соответствие диссертации научной специальности

Диссертационное исследование соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономика народонаселения и экономика труда) по пунктам:

8.2. Экономическая демография: понятия, концепции, тенденции, показатели. Влияние демографических факторов на экономическое развитие;

8.4. Экономика домохозяйства. Структура и бюджеты домохозяйств. Жизненный цикл семьи. Специфика домашнего труда и проблемы его учета;

8.11. Экономические и социально-демографические факторы и концепции развития человеческих ресурсов.

Апробация результатов исследования

Основные положения и результаты исследования были представлены на научных конференциях и научных семинарах, в том числе:

- Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», Экономический факультет МГУ, апрель 2023 года;
- Заседание Демографической секции Центрального дома ученых РАН, май 2023 года;
- Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2024», Экономический факультет МГУ, апрель 2024 года;
- «Ломоносовские чтения-2025», Экономический факультет МГУ, апрель 2025 года;
- XXV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, апрель 2025 года;
- Международная конференция XII Валентеевские чтения «Демографические процессы в условиях глобальных вызовов», Экономический факультет МГУ, октябрь 2025 года;
- IX Международная научная конференция консорциума журналов экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова «Экономические исследования в условиях глобальной структурной трансформации», Экономический факультет МГУ, октябрь 2025 года.

По теме исследования опубликованы (лично и в соавторстве) 4 статьи в рецензируемых научных изданиях (общий объем – 5,46 п.л., авторский вклад – 4,82 п.л.), соответствующих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по экономическим наукам.

Структура диссертационного исследования

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. В работе содержатся 14 рисунков и 12 таблиц. Список литературы включает 160 источников. Общий объем диссертации составляет 124 страницы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы исследования благополучия» посвящена анализу основных подходов к определению и

измерению благополучия. В главе описываются ограничения традиционных одномерных оценок и преимущества применения многокомпонентного подхода для характеристики благополучия. Приведено обоснование выбора индикаторов благополучия, а также целесообразности включения бюджетов времени в перечень детерминант благополучия. На основе представленного обоснования формируется теоретическая конструкция для дальнейшей проверки наличия связи между распределением времени и уровнем благополучия.

Вторая глава «Данные и методы оценки благополучия членов российских домохозяйств» содержит описание эмпирической базы исследования и используемого метода оценки ненаблюдаемого напрямую благополучия с учетом распределения суточного фонда времени. В главе раскрываются специфика и ключевые характеристики наборов данных о распределении времени, приводится описание модели множественных индикаторов и множественных причин (MIMIC) для выявления связи благополучия индивидов с распределением времени на основные виды деятельности (оплачиваемая занятость, ведение домашнего хозяйства, досуг и пр.).

Третья глава «Связь распределения времени и благополучия членов российских домохозяйств» посвящена описанию выявленных связей уровня благополучия с распределением времени на основные виды деятельности. Обсуждаются различия в характере этой связи для отдельных социально-демографических групп (по полу, возрасту и типу семьи). Приводятся оценки уровня благополучия индивидов в семейных парах с учетом распределения времени партнера и между партнерами.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования благополучия¹

1.1. Концептуальные подходы к определению и измерению благополучия

Благополучие – это обширный и многомерный конструкт, который охватывает различные аспекты жизни и представляет собой характеристику качества бытия индивидов [Gasper, 2005]. Определение данного конструкта требует учета широкого многообразия аспектов жизни людей, а также понимания их относительной важности [OECD, 2011]. Более того, оно не характеризуется аддитивностью, то есть общее благополучие не складывается из моментов, когда человек был успешен на протяжении жизни, а скорее зависит от общего порядка или структуры событий [Velleman, 2015].

В научной литературе описаны различные подходы к пониманию сущности и природы благополучия [OECD, 2011, Лэйард, 2012, Hawkins, 2014, Maggino, 2015, Черныш и Епихина, 2021, Bautista и др., 2023, Медведева и др., 2023, Антипина, и др., 2025], его определение может идти в тематически-сфокусированном ключе (субъективное благополучие, материальное благополучие и т. п.), а может разрабатываться как комплексный многомерный индикатор [Аникин и др., 2024].

Исследователи-приверженцы утилитаристского подхода описывали благополучие как единую сущность [Gasper, 2005] и формулировали его в терминах полезности, представленной предпочтениями. А степень следования предпочтениям, в свою очередь, определялась доходом [Dolan и Peasgood, 2008]. Основу этого представления о принципе полезности (величайшего счастья или благоденствия) заложил И. Бентам, говоря о том, что «человечество поставлено под

¹ В главе используются материалы из следующих публикаций автора:

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Благополучие членов российских домохозяйств с учетом данных о распределении времени // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – Т. 60. – № 6. – С.329-366

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Досуг в оценке индивидуального благополучия лиц трудоспособного возраста // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. №1. – С.109-132

управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать». В данной трактовке благополучие есть максимизация удовольствий [Бентам, 1998]. Поддерживая такое представление, Дж. С. Милль акцентировал внимание на различиях в удовольствиях – некоторые более ценны, чем другие: «Лучше быть недовольным человеком, чем довольной свиньей, недовольным Сократом, чем довольным глупцом» [Милль, 2013]. Позднее утилитаристская точка зрения уступила место новым веяниям, а акцент с материальной компоненты как основы благополучия был смещен в сторону более широкой концептуализации и многомерного подхода [Sumner, 2004, Chaaban и др., 2016, Ruggeri и др., 2020, Borga и др., 2022].

Амартия Сен одним из первых поставил под сомнение целесообразность использования дохода как универсальной меры благополучия и говорил о том, что оно зависит не напрямую от количества благ, принадлежащих индивиду, а от функционирования и возможностей, которыми он обладает [Sen, 1979, Sen, 1988]. Основой благополучия в терминах Сена является свобода выбора из доступных альтернатив, а доход является лишь одним из способов достижения возможностей. Вслед за А. Сеном и опираясь на его идеи М. Нуссбаум описала список из десяти возможностей, куда было включено в том числе здоровье и мышление, которое в нашем понимании неразрывно связано с образованием [Nussbaum, 2011]. Доход не характеризует качество жизни в полной мере, так как не ясно, чего именно с помощью него можно достичь. Качество жизни шире, чем владение ресурсами. Здоровье, образование, социальные отношения, субъективные чувства – все эти аспекты являются важными составными элементами человеческой жизни, которые нельзя оставлять без внимания [Martinetti, 2000, Лэйард, 2012, Бобков и др., 2022, Овчарова и др., 2022].

В докладе о мировом развитии в 1980 году были описаны элементы благополучия в многомерном представлении, они включали не только доход, но и питание, образование и здоровье [World Bank, 1980]. С того времени работы,

посвященные поиску многомерных альтернатив измерения благополучия, приобрели особую популярность, а сведение анализа к оценке отдельных его аспектов подвергалось критике в литературе [Rutskiy и др., 2023, Воронина и др., 2023]. Несмотря на критику к произвольному выставлению весов, индекс физического качества жизни Морриса, Индекс человеческого развития и другие составные индексы по сей день активно исследуются и применяются для выстраивания политических стратегий [Chowdhury, 1991, Yang, 2018, Терешкова, 2022, Аникин и др., 2024, Антипина, и др., 2025].

В литературе выделено два наиболее распространенных представления о благополучии – объективное и субъективное. Объективное (материальная полезность) основывается на наблюдаемых факторах, например, доход, здоровье, особенности окружающей среды и пр. [D'Acci, 2011, King и др., 2014, Voukelatou и др., 2021]. Субъективное благополучие (психологическая полезность) представляет собой сдвиг в сторону большего реализма и обычно оценивается с помощью самоотчетов [Helliwell и Barrington-Leigh, 2010, Voukelatou и др., 2021]. Именно субъективная характеристика приобретает все большее значение в академической, политической и общественных сферах как инструмент для создания и поддержания здоровых и продуктивных обществ [Das и др., 2020], а также признается оптимальным показателем для сравнения уровней благополучия [Livingston и др., 2022]. Исследователи отмечают, что субъективное благополучие выходит за рамки гедонизма и глобальной оценки удовлетворенности жизнью, и изучения только одного субъективного параметра недостаточно для получения представления о том, насколько благополучны люди [van Praag и др., 2003, Ruggeri и др., 2020, Yamaguchi и Oshima, 2024].

Распространенным исследовательским направлением является изучение расхождений между компонентами объективного благополучия (в частности, доходов) и измерениями субъективного благополучия [Gasper, 2005]. Чем выше материальная обеспеченность индивида, тем более амбициозны его желания, по этой причине темпы роста объективного и субъективного благополучия могут

отличаться [Stutzer, 2003, D'Acci, 2011]. Однако мнения авторов в данном контексте зачастую расходятся. Ряд исследователей демонстрируют подтверждение парадокса Истерлина [Easterlin, 1974], в соответствии с которым увеличение среднего дохода со временем не повышает субъективное благополучие (например, Blanchflower и Oswald, 2004). Другие авторы приводят оценки, указывающие на устойчивый рост удовлетворенности жизнью по мере роста доходов [Sacks и др., 2010, Stevenson и Wolfers, 2013].

Доход, образование и здоровье являются наиболее универсальными компонентами многомерного благополучия [Martinetti, 2000, Stiglitz и др., 2009, Fleurbaey, 2009, Alkire и Foster, 2011, Nussbaum, 2011, Yang, 2018]. Индекс человеческого развития, возможно, заложил прецедент для включения образования и здоровья в перечень индикаторов (измерений) благополучия [Yang, 2018]. Их значимость признается как на уровне обществ в целом, так и на уровне отдельных индивидов. Уровень индивидуального благополучия отражает уровень национального благосостояния и качество жизни всего общества [Böhnke, 2005]. Это соответствует идее И. Бентама: «Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица» [Бентам, 1998]. Ниже значение каждого из указанных индикаторов благополучия рассматривается более подробно.

Уровень дохода

В качестве основной характеристики благополучия традиционно рассматривается доход [Stutzer и Frey, 2012, Медведева и др., 2023]. Материальная составляющая определяет возможности доступа к ограниченным ресурсам: город и район проживания, качественное здравоохранение, питание, образование социальные отношения и пр. [Livingston и др., 2022], то есть является основным источником реализации жизненных целей [Овчарова и др., 2024]. В литературе также было показано, что измеренное комбинированным способом благополучие имеет сильную корреляцию с показателем дохода [Kwarcіński и др., 2024].

Доход является важным с точки зрения максимизации удовольствий (в терминах И. Бентама и Дж. С. Милля), но не единственным компонентом благополучия. Более того, материальная составляющая сама по себе не гарантирует достижения «высших» удовольствий.

Состояние здоровья

Состояние здоровья населения (физического, психического, социального) является основой общественного благополучия, важнейшим компонентом качества человеческого капитала и ключевым фактором в формировании демографических процессов [Римашевская и др., 2011]. Необходимость включения здоровья, как одну из важнейших качественных и количественных характеристик жизнедеятельности общества, в перечень индикаторов благополучия подтверждается практически в каждой работе в данной исследовательской области (например, Layard и др., 2014, Епихина и др., 2020). С состоянием здоровья связаны возможности трудоустройства, социальные отношения и многие другие аспекты жизни человека и домохозяйства, в котором он проживает [Voukelatou и др., 2021, Livingston и др., 2022]. При этом субъективная оценка состояния здоровья является одним из наиболее сильных наблюдаемых факторов субъективного благополучия [Zwierzchowski и Panek, 2020] и в целом характеризует фактическое состояние здоровья [Idler и Benyamini, 1997, DeSalvo и др., 2006, Jylhä, 2009].

Образование

Целесообразность рассмотрения уровня образования как одной из основных составляющих благополучия подтверждена в литературе [Veenhoven, 1996, Martinetti, 2000, Helliwell, 2008, Oreopoulos и Salvanes, 2011, Nussbaum, 2011]. Образование способствует реализации врожденных талантов, развитию человеческих способностей и формированию ценностей, дает возможность критически мыслить и делать осознанный выбор, поэтому его значение для благополучия подчеркивается во многих исследованиях [World Bank, 1980, Field, 2009, Yang, 2018, Jongbloed, 2018, Епихина и др., 2020, Liu и Heshmati, 2023,

Овчарова и др., 2024]. С повышением уровня образования связаны более высокие показатели IQ, снижение склонности к девиантному поведению и в целом более развитые когнитивные способности [Овчарова и др., 2022]. Авторы рассматривают данный индикатор как структурную характеристику положения домохозяйств [Журавлев, 2016].

Вместе с тем некоторые исследователи рассматривают образование как ресурсную характеристику и демонстрируют его связь с субъективным благополучием. Ряд авторов придерживаются мнения, что наличие высшего образования связано с более высокими показателями удовлетворенности жизнью [Veenhoven, 1996, Böhnke, 2005, Helliwell, 2008, Salinas Jiménez и др., 2012, Ruggeri и др., 2020], то есть с более высоким уровнем субъективного благополучия.

На данных обследования австралийских домохозяйств было продемонстрировано наличие связи между высшим образованием и тремя измерениями субъективного благополучия: удовлетворенность жизнью (оценочное), положительные эмоции (гедонистическое) и достижение целей (эвдемоническое). Автор отметил, что эвдемоническое и гедонистическое благополучие выше у образованных индивидов (положительные эмоции и понимание своего места в жизни). Кроме того, индивиды с высшим образованием удовлетворены большинством сфер жизни, однако при этом испытывают нехватку свободного времени [Nikolaev, 2018]:

В ряде исследований подчеркивается, что наличие или отсутствие связи между образованием и благополучием зависит от того, что понимается под образованием [Michalos, 2008], а также от страны проживания, пола и возраста [Wilson и Lomas, 2024]. Кларк и соавторы описали, что половина эффекта от образования в части повышения общего благополучия может частично компенсироваться более высокими устремлениями индивидов [Clark и др., 2015]. Отрицательная связь между благополучием и образованием может возникать вследствие склонности более образованных людей к выбору высокооплачиваемых, но при этом более стрессовых профессий [Mora и Ferrer-i-Carbonell, 2009].

Таким образом, образование при исследовании благополучия может восприниматься и как результирующая характеристика, и как ресурсная. В терминах данной работы показатель образования трактуется как результат прошлого опыта, отражающий способности индивида размышлять, делать осознанный выбор, определять цели и осознавать свое место в жизни.

В рамках диссертационного исследования благополучие рассматривается как многомерный конструкт и определяется с помощью ограниченного, но теоретически обоснованного перечня показателей – «большой тройки» ключевых индикаторов – уровня человеческого капитала (состояние здоровья и уровень образования) и уровня доходов. Несмотря на то, что выбранные индикаторы не охватывают всего многообразия проявлений благополучия, они являются базовыми и наиболее универсальными характеристиками для получения представления о благополучии в более широком смысле, чем просто доход.

1.2. Роль распределения времени в формировании благополучия индивидов

Данные об использовании времени представляют собой уникальный исследовательский ресурс, который отражает структуру повседневной деятельности и характеризует общие поведенческие стратегии индивидов [Жадан, 2009, Овчарова и др., 2022, Juster и Stafford, 2024]. С помощью бюджетов времени можно анализировать изменения в поведении людей под воздействием различных факторов - социокультурных, институциональных и пр. Оценка этих изменений важна для понимания социально-экономических процессов, факторов качества жизни и благополучия населения [Gershuny, 2000, Патрушев, 2003]. Описывая теорию распределения времени, Г. Беккер определил домохозяйство не только как потребителя, но и как производителя благ или «маленькую фабрику», где время его членов является ключевым фактором производства [Becker, 1965]. Бюджеты времени являются отдельным научно-прикладным направлением социолого-статистических исследований, обладающим своим предметом, методологией и способом сбора и обработки данных [Патрушев и др. 2001].

Несмотря на все преимущества бюджетов времени, при изучении индивидуального благополучия временным измерением зачастую пренебрегают, фокусируясь в основном на доходах [Merz, 2002, Merz и Rathjen, 2014, Kalenkoski и Hamrick, 2014]. При этом время является не менее важным ресурсом [Becker, 1965, Becker, 1991, Vaucells и Sarin, 2007, Gershuny, 2011]. А ограничения по времени – нехватка для участия в деятельности, которая формирует социальный и человеческий капитал – как и денежные ограничения, влияют на благополучие людей [Чуракова, 2004, Gershuny, 2011, Kalenkoski и Hamrick, 2014]. Таким образом, использование методологии временных бюджетов при оценке благополучия является важным дополнением исследовательской области.

В немногочисленных исследованиях данной области чаще всего обсуждается связь благополучия с временем, распределяемым на оплачиваемую занятость.

Общая полезность индивидов складывается из потребления и досуга, под которым подразумеваются все виды деятельности, кроме оплачиваемой занятости. Поскольку для потребления необходимо выделять время на доходные виды деятельности (оплачиваемую работу), индивиды сталкиваются с необходимостью поиска компромисса между рабочей и личной сферами [Vaucells и Sarin, 2007]. На российских данных социологического опроса НИУ ВШЭ (2021 г.) было показано, что большинство респондентов готовы увеличить рабочую нагрузку для увеличения дохода, но при этом не готовы отказаться от части дохода ради увеличения свободного времени [Овчарова и др., 2022]. Склонность людей переоценивать полезность от дохода (потребления) становится причиной перенаправления ресурса в сторону оплачиваемой занятости, однако максимизация удовлетворенности жизнью (счастья) происходит при условии низкого субъективного расхождения между фактическими и желаемыми профилями использования времени [Sheldon и др., 2010].

Значимость преодоления конфликта между рабочей и личной сферами в контексте индивидуального благополучия подчеркивается во многих работах [Merz, 2002, Böhnke, 2005, Dahm и др., 2015, Stolarski и др., 2015, Alvarez и Miles-

Тоуа, 2016, Shao, 2022, Овчарова и др., 2022, Weston и др., 2024]. На данных Европейского обследования качества жизни было показано, что нарушение баланса между работой и личной жизнью отрицательно связано с субъективным благополучием [Böhnke, 2005]. А согласованность желаемого и связанного с доходом фактического рабочего времени особенно важна для женщин, среди которых расхождение, как правило, более существенное [Merz, 2002, Dahm и др. 2015].

На данных об испанских домохозяйствах с работающими парами было показано, что неполный рабочий день для женщин связан с более высокой удовлетворенностью жизнью, а необходимость совмещения рабочей и бытовой сфер снижает ее у женщин, работающих полный рабочий день [Alvarez и Miles-Toуа, 2016].

Продолжительность и интенсивность рабочего времени (как оплачиваемого, так и неоплачиваемого) позволяют получить наиболее полное представление о качестве жизни, чего нельзя сказать о традиционных измерениях уровня жизни [Floro, 1995]. Оплачиваемая занятость является одним из наиболее времязатратных видов деятельности и одним из основных факторов удовлетворенности жизнью и благополучия [Suleiman и др., 2021, Shao, 2022], однако в литературе на сегодняшний день нет единого мнения о природе связи благополучия с временем, расходуемым на работу. Так, на данных Европейского социального исследования (ESS) было продемонстрировано отрицательное влияние увеличения рабочего времени на удовлетворенность жизнью. Отдельно отмечается, что индивиды со средним уровнем достатка более чувствительны к изменениям в продолжительности рабочего времени, чем индивиды с высоким уровнем дохода [Shao, 2022]. Схожие результаты были получены для отдельной части населения Канады: увеличение количества рабочих часов для домохозяйств со средним достатком не приводит к увеличению благополучия [Burton и Phipps, 2011]. На данных о немецких домохозяйствах, напротив, было показано, что переработки не являются причиной снижения благополучия [Holly и Mohnen, 2012].

В исследовании Мейера и Штуцера описаны доказательства нелинейности связи между благополучием и количеством отработанных часов (перевернутый U-образный характер), т. е. увеличение количества рабочих часов ассоциируется с более высоким уровнем благополучия до определенного момента, а затем – с более низким [Meier и Stutzer, 2006]. Однако в этой работе не были учтены такие аспекты, как тип занятости и является ли рабочее время добровольным выбором [Dolan и др., 2008, Boniwell и Osin, 2015]. Также в литературе приводятся доказательства наличия связи рабочего времени с депрессивными состояниями, которые могут рассматриваться как противоположность психологическому благополучию. Рост вовлеченности в оплачиваемую занятость до определенного порога связан с уменьшением депрессии для мужчин и женщин в паре, а занятость, связанная с ведением домашнего хозяйства, наоборот, связана с ее усилением [Glass и Fujimoto, 1994].

Помимо продолжительности оплачиваемой работы, значение для благополучия имеет в том числе характер занятости. На данных обследования использования времени в Великобритании (2014–2015 гг.) было продемонстрировано, что удаленный режим работы связан с сокращением времени на оплачиваемую занятость и перераспределением в пользу неоплачиваемых видов деятельности и отдыха. При этом отмечается снижение удовлетворенности данными видами активности и у мужчин, и у женщин. Можно предположить, что искажение границ между оплачиваемой и неоплачиваемой занятостью отрицательно связано с благополучием [Giménez-Nadal и Velilla, 2024].

Авторы не ограничиваются изучением времени на оплачиваемую занятость. Исследования основных тенденций в распределении времени отмечают изменения в продолжительности и структуре досуга, а также его неравномерное распределение между социально-демографическими группами (например, Gershuny, 2000). Среди отечественных авторов данные тенденции отмечал В.Д. Патрушев, подчеркивая, что соотношение времени, затрачиваемого на оплачиваемую занятость и свободное время, в некоторой степени отражает уровень

развития производительных сил и организацию общественного труда [Патрушев, 2003]. Позднее было показано, что отдых связан с производительностью труда как с точки зрения здоровья и саморазвития, так и с точки зрения дохода, при этом характер связи нелинейный [Wei и др., 2016, Cui, и др., 2019]. Более того, дефицит свободного времени является серьезным ограничением для развития личности, благополучия семьи и ее членов, а также для полноценного участия в экономической и социальной жизни [Калабихина и Шамсутдинова, 2023].

На данных об использовании времени жителями США было показано, что за 50 лет время досуга для мужчин увеличилось примерно на 6–9 часов в неделю за счет снижения времени на оплачиваемую занятость, а для женщин — примерно на 4–8 часов в неделю за счет снижения времени на ведение домашнего хозяйства. Данные изменения сопровождаются ростом неравенства в досуге, которое должно быть учтено при исследовании благополучия [Aguilar и Hurst, 2007]. Аналогичные тенденции наблюдаются и в Европе: на данных об использовании времени парами в Великобритании, Испании, Франции, Италии и Финляндии было продемонстрировано, что в ряде европейских стран неравенство в отношении досуга выражено в большей степени, а в Финляндии и Великобритании распределение времени на досуг, напротив, более эгалитарное [Martinez Mendiola и Cortina, 2024].

Отдельно в литературе отмечается, что характер связи благополучия со свободным временем существенно различается между мужчинами и женщинами, а также между группами с разным уровнем образования [Wajcman и Bittman, 2000, Gimenez-Nadal и Sevilla, 2012].

Часто исследователи дифференцируют досуг, изучая связь выделенных способов проведения свободного времени с благополучием. Например, время, затрачиваемое на деятельность, способствующую личностному росту, укреплению социальных связей и вовлеченности в общественную жизнь, ассоциируется с более высокими уровнями субъективного благополучия [Okun и др., 1984, Kasser и Sheldon, 2009, Orehek и др., 2017, Nilsson и др., 2022]. На данных ряда стран была

зафиксирована положительная связь благополучия с участием в культурной жизни, однако данный вид досуга является одним из наименее предпочитаемых [Murtin и Zanobetti, 2024]. Активные формы досуга, в том числе спортивного или оздоровительного типа, положительно связаны с благополучием через повышение удовлетворенности индивида досугом, работой, внешним видом и здоровьем. При этом более разнообразные виды спортивных активностей ассоциируются более высокими уровнями субъективного благополучия [Gershuny, 2011, Kekäläinen и др., 2020, Mutz и др., 2021, Wang и др. 2022].

Помимо оплачиваемой занятости и досуга, значительная часть временного бюджета распределяется на различные формы бытовой неоплачиваемой занятости, в частности ведение домашнего хозяйства [Барсукова и Радаев, 2000, Gershuny, 2003]. Если рассматривать благополучие как противоположность депрессивного состояния, то особое значение в данном контексте имеет не только объем домашнего труда, но и неравенство в его распределении между супругами. Несмотря на гендерную конвергенцию в вовлеченности в бытовую занятость, разрыв во временных затратах сохраняется [Gershuny, 2000, Gershuny и Harms, 2016]. При этом было показано, что человеческий капитал жен связан с уменьшением разрыва в вовлеченности в домашний труд [Sullivan и Gershuny, 2016]. Так или иначе женщины в среднем выполняют работу по дому сверх точки максимальной психологической выгоды, что сказывается на уровне дистресса [Bird, 1999]. Схожие выводы были получены при исследовании роли домашнего труда в усилении депрессии [Glass и Fujimoto, 1994].

Структуру организации повседневной деятельности целесообразно рассматривать не только на уровне индивидов, но и на уровне домохозяйства, где учитываются предпочтения и роли его членов. Изучение временного бюджета семьи позволяет судить как о распорядке дня и распределении нагрузок, так и о качестве жизни домохозяйства в целом [Якина, 2010]. Выход за рамки индивидуального представления в сторону домохозяйственного помогает сформировать более четкую характеристику благополучия, поскольку образ жизни

внутри домохозяйства устанавливается в том числе при согласованности временных стратегий его членов.

В современных исследованиях, посвященных изучению благополучия и качества жизни семейных пар (домохозяйственный уровень), редко уделяется внимание вопросам, связанным с бюджетами времени супругов. Между тем, решения партнеров о распределении времени между оплачиваемой занятостью, домашними обязанностями, уходом за детьми, досугом и пр., отражают не только их индивидуальные предпочтения и приоритеты, но и социальные нормы, экономические ограничения и гендерные роли. Анализ поведенческих моделей супругов позволяет понять, как организация их повседневной жизни связана с благополучием.

Некоторые исследователи продемонстрировали наличие связи между распределением времени одного из супругов с различными аспектами благополучия другого. Функционирование и благополучие семьи во многом связано с рабочим графиком [Fursman, 2009]. На данных об IT-специалистах из США было показано, что женщины, чьи партнеры работают более 50 часов в неделю, чаще испытывают стресс и нехватку времени. Однако для мужчин, чьи супруги работают сверхурочно, подобной связи не выявлено. [Shafer и др., 2018]

Важную роль для благополучия играет статус занятости: общая удовлетворенность жизнью безработных индивидов, как правило, ниже по сравнению с занятыми на рынке труда [Hoang и Knabe, 2021]. Более того, переход одного из супругов в категорию безработных сказывается не только на его собственном благополучии, но и на благополучии его партнера [Voßmer и др., 2024].

Среди пар, в которых оба супруга заняты на рынке труда, чаще отмечается более высокий уровень удовлетворенности браком и более справедливое распределение домашних обязанностей [Helms и др., 2010]. При этом даже при ослаблении временных ограничений, накладываемых оплачиваемой занятостью,

гендерные различия во времени на ведение домашнего хозяйства сохраняются [Alvarez и Miles-Touya, 2019].

Вопрос гендерного неравенства в распределении времени и участия мужчин в выполнении домашних обязанностей является значимым аспектом при исследовании благополучия. В литературе было продемонстрировано, что вовлеченность мужей в ведение домашнего хозяйства и заботу о детях положительно сказывается на благополучии жен [Khawaja и Habib, 2007, McCann и др., 2024], в то время как неравенство в данных сферах является фактором риска для здоровья женщин [Hiekel и Kühn, 2024]. Кроме того, более равномерное распределение домашних обязанностей в парах положительно связано с намерением завести ребенка. [García-Manglano и др., 2015, Kan и др., 2019, Leocádio и др., 2024].

Таким образом, существующие исследования подтверждают, благополучие индивида можно рассматривать не только во взаимосвязи с его собственным образом жизни, выраженным через распределение времени, но и с образом жизни партнера. Различия в распределении времени супругов на работу, ведение домашнего хозяйства и прочие виды деятельности оказываются значимыми факторами для индивидуального благополучия. Учет не только индивидуального распределения времени, но и распределения времени супруга представляется важным направлением исследования.

1.3. Методические подходы к моделированию благополучия

Наиболее распространенным подходом к моделированию благополучия является построение регрессии методом наименьших квадратов (OLS) [Blanchflower и Oswald, 2004, Blanchflower, 2009]. На микроданных с использованием удовлетворенности жизнью в качестве зависимой переменной были описаны основные характеристики индивидов с более высоким уровнем благополучия, среди них: принадлежность к женскому полу, высшее образование, хорошее здоровье, высокий уровень дохода, молодой/старший возраст (U-образная

связь), индивиды, состоящие в браке и не имеющие детей. Также было отмечено наличие связи между благополучием и такими макропеременными, как уровень безработицы и инфляция, темп роста ВВП (особенно для более бедных стран) [Blanchflower, 2009].

Штутцер и Фрей использовали OLS и упорядоченную логит-модель для исследования связи между вступлением в брак и субъективным благополучием. На данных 17 волн немецкого социально-экономического исследования авторы показали, что люди с более высокой удовлетворенностью жизнью с большей вероятностью выбирают брак. Более того, разделение труда (потенциальное и фактическое) способствует повышению удовлетворенности жизнью для обоих супругов [Stutzer и Frey, 2006].

Адена и соавторы исследовали благополучие овдовевших женщин, по сравнению со «статистическими близнецами», которые не являются вдовами, при помощи модели локальной полиномиальной регрессии. На данных исследования SHARE и дневников времени населения США, Великобритании, Польши и Франции было показано, что овдовение является причиной резкого снижения удовлетворенности жизнью, а главным фактором этого снижения авторы назвали увеличение времени, проводимого в одиночестве [Adena и др., 2023].

Джалал Ахамед с помощью качественного сравнительного анализа нечетких множеств (fsQCA) исследовал комбинации выделенных факторов, которые приводят к сравнительно более высокому/низкому субъективному благополучию среди населения развивающегося Южно-Азиатского государства Бангладеш. Автор рассматривал 5 аспектов: материальное и духовное благополучие, качество отношений внутри семьи, пол и возраст. На данных опроса 250 трудоустроенных и, преимущественно, высокообразованных жителей столицы автор выделил сочетания условий, которые приводят к тем или иным оценкам благополучия.

Например, для высокого субъективного благополучия выявлены следующие комбинации:

- Мужской пол, старший возраст, низкая оценка финансового благополучия, высокое качество семейных отношений.
- Женщины, молодой возраст, низкая оценка финансового благополучия, высокое качество семейных отношений, духовное благополучие

Так, на примере азиатской страны автор продемонстрировал значимость семейных отношений [Jalal Ahamed, 2024]. Несмотря на сравнительно небольшую выборку, полученные результаты представляются правдоподобными, особенно для общества, где распространены духовные и семейные ценности.

Бьерндал с соавторами сделали попытку расширить представление о структуре благополучия: на данных норвежского общенационального исследования качества жизни (2020) авторы провели исследовательский факторный анализ для поиска компонент благополучия, а на независимой выборке из исследования качества жизни 2019 года провели конфиматорный факторный анализ для проверки соответствия полученной модели. Была получена структура, состоящая из 6 факторов первого порядка, каждый из которых вносит вклад в «фактор счастья» (h-фактор), среди них: отсутствие негативного аффекта, оценка функционирования, положительная активация, оценка автономии в жизни, оценка социальных отношений и удовлетворенность жизнью [Vjørndal и др., 2023].

Польские авторы оценили субъективное благополучие при помощи структурного моделирования (модель множественных индикаторов и множественных причин – МІМІС). На данных о более чем 15 тыс. домохозяйств они построили модель, которая одновременно оценивает латентную переменную (благополучие) через выбранные индикаторы (измерительная часть) и ее связь с наблюдаемыми переменными (структурная часть) [Jewczak, Korczak, 2023].

В предположении о том, что благополучие можно косвенно описать, авторы сформировали перечень индикаторов благополучия: показатель общей способности удовлетворить потребности, разницу между фактическим уровнем дохода и величиной, позволяющей удовлетворить потребности домохозяйства, и

склонность домохозяйств к сбережениям. В качестве независимых переменных (причин) рассматривались количество членов домохозяйства, место проживания, тип семейной единицы, тип социально-экономической группы, уровень отказа от дополнительных благ (посещения кинотеатра, театра, экскурсий и т. д.) и степень материальной депривации (неспособность оплатить аренду жилья, купить машину и пр.). Авторами было показано, что благополучие выше для домохозяйств, состоящих из большего числа индивидов, проживающих в сельской местности, занятых на ранке труда, а также с низким уровнем материальной депривации и отказа от дополнительных благ [Jewczak и Korczak, 2023].

Кварцинский, Ульман и Вдовин также использовали модель множественных индикаторов и множественных причин для оценки субъективного благополучия, однако наборы переменных в обеих частях модели отличаются от ранее упомянутого исследования. Измерительная часть, которая описывает связь между латентной переменной и наблюдаемыми индикаторами, состоит из оценочного (удовлетворенность жизнью), эвдемонического (понимание своего места в жизни) и ощущаемого благополучия (подавленность, напряжение, спокойствие, бодрость). Структурная часть модели состоит из возраста, пола, места проживания, количества детей, размера домохозяйства, чувства безопасности, оценки качества окружающей среды, дохода, образования и пр. [Kwarcіński и др., 2024].

В некоторых работах подобный подход применяется на макроуровне для оценки человеческого развития (национальных возможностей) [Krishnakumar, 2007] или для моделирования качества жизни [Rahman и др., 2004].

Как уже было описано, в литературе благополучие часто воспринимается как ненаблюдаемый конструкт, который не может быть явно определен [Jewczak и Korczak, 2023]. Как следствие, нет и универсального способа его измерения. Выше были описаны основные инструментальные подходы к моделированию благополучия, большинство из которых являются комбинированными. Несмотря на позицию некоторых исследователей о том, что изучение благополучия должно сводиться к рассмотрению различных компонентов по отдельности [Hawkins,

2014], преимущества применения многокомпонентного подхода при определении ненаблюдаемой переменной для целей настоящего исследования превалируют над недостатками. Аналогично подходам, представляющим расширенный набор индикаторов благополучия, в частности, «большую семерку» счастья Р. Лэйарда, в рамках диссертационного исследования благополучие также характеризуется как многокомпонентный концепт, но определяется через «большую тройку» базовых индикаторов – здоровье, образование и доход [Лэйард, 2012].

Глава 2. Данные и методы оценки благополучия членов российских домохозяйств²

2.1. Формирование эмпирической и аналитической базы исследования

Для проверки гипотезы о наличии связи благополучия с распределением времени использованы данные Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, проведенного в 2019 г. и в 2024 г. Росстатом.

Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением проводится для сбора статистической информации о распределении времени между конкретными видами деятельности. Наборы данных используются для выявления факторов, препятствующих участию в трудовой деятельности, воспитанию детей и ведению здорового образа жизни, а также для формирования мер демографической и социальной политики и оценки их эффективности³.

Единицами анализа являются домохозяйства и проживающие в них индивиды старше 10 лет. Под домохозяйством понимаются совместно проживающие лица, независимо от наличия родственных связей, объединяющие (полностью или частично) материальные ресурсы.

Формирование выборки происходит с помощью двухэтапного случайного отбора: на первом этапе выделяются счетные участки, на втором – домохозяйства в рамках отобранных участков. При подготовке данных используются весовые коэффициенты, которые обеспечивают распространение результатов на все домохозяйства и корректировку по дням недели.

² В главе используются материалы из следующих публикаций автора:

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Благополучие членов российских домохозяйств с учетом данных о распределении времени // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – Т. 60. – № 6. – С.329-366

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Досуг в оценке индивидуального благополучия лиц трудоспособного возраста // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. №1. – С.109-132

Bashkirova K. Determinants of health of Russia's population based on daily time allocation data // Population and Economics. – 2024. – Vol. 8, № 2. – P. 1-18.

³ Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением, 2024 [Электронный ресурс]: отчет / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Электрон. дан. – М. : Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond24/index.html

Наборы данных являются репрезентативными по России, а также в разрезе места проживания и отдельных социально-демографических групп⁴.

Структура использования суточного времени участвующих в опросе лиц строится с выделением основных социально-демографических характеристик, среди которых:

- Пол;
- Возраст;
- Состав домохозяйства;
- Состояние здоровья;
- Уровень образования;
- Материальное положение;
- Занятость (наличие, характер, статус).

Выбранные для анализа переменные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Описание переменных

Переменная	Описание
health	Самооценка состояния здоровья, где 1 – очень плохое, 5 – очень хорошее здоровье
income per household member	Величина денежного дохода в среднем на члена домохозяйства, в месяц, рублей
education	Уровень образования, где 1 - отсутствие основного общего, 9 – высшая квалификация (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура) ⁵
territory	Место проживания респондента, где 1 – городской, 0 – сельский
gender	Пол респондента (1 – мужской, 0 – женский)
age	Возраст респондента
family	Состав домохозяйства, количество человек

⁴ Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населением, 2024 [Электронный ресурс]: отчет / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – Электрон. дан. – М. : Росстат, 2025. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond24/index.html

⁵ В обследовании 2024 года уровень детализации данной переменной изменен, высшей квалификации соответствует значение 8.

marital_status	Семейное положение респондента, 1 – состоит в браке (зарегистрированном или незарегистрированном), 0 – нет
have_ch	Лица (мать, отец), имеющие совместно проживающих детей в возрасте до 15 лет
np_sem	Признак неполной семьи. Наличие в домохозяйстве одинокого родителя с детьми до 18 лет – 1, иначе – 0
mng_sem	Признак многодетной семьи. Наличие в домохозяйстве супружеской пары, имеющей 3 и более детей до 18 лет – 1, иначе – 0
work	Количество часов, затраченных на оплачиваемую занятость
household	Количество часов, затраченных на ведение домашнего хозяйства
unpaid	Количество часов, затраченных на неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования
child	Количество часов, затраченных на воспитание детей
free	Количество часов, затраченных на отдых и связанные с ним виды деятельности
sleep	Количество часов, затраченных на сон
basic_needs	Количество часов, затраченных на личную гигиену и уход за собой

Источник: составлено автором.

Этап предобработки данных был выполнен по аналогии с [Bashkirova, 2024], в несколько шагов:

1. Объединение видов деятельности, связанных с распределением времени, по категориям.

Были выделены следующие укрупненные категории:

- Оплачиваемая занятость
- Ведение домашнего хозяйства
- Неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования
- Уход за детьми
- Личная гигиена и уход за собой
- Досуг
- Сон

Подробное описание видов деятельности, которые относятся к каждой из указанных категорий в обследованиях 2019 и 2024 годов, представлены в Приложении 1.

В рамках диссертационного исследования понятия «образ жизни», «поведенческие модели», «распорядок дня» используются как взаимозаменяемые и определяются через распределение времени индивидов между выделенными основными видами деятельности.

2. Объединение наборов микроданных

Данные заполненных интервьюером анкет (89 459 наблюдений для набора данных 2019 года и 82 410 наблюдений для набора данных 2024 года) были объединены с данными заполненных индивидами дневников о суточном распределении времени (152 527 наблюдений для набора данных 2019 года и 143 659 наблюдений для набора данных 2024 года) по коду субъекта РФ, коду типа населенного пункта, номеру домохозяйства в пределах территории и индивидуальному коду члена домохозяйства.

3. Устранение пропущенных значений

В случае, если на необходимые для исследования вопросы респондент не дал ответа, строки для соответствующих индивидов были исключены из анализа (исключено менее 10% наблюдений). Например, в самооценке состояния здоровья, семейном положении или уровне образования.

4. Очистка от аномальных значений переменных

Строки, значения в которых существенно превышали значения верхнего квартиля, рассматривались как выбросы и были исключены из анализа. Например, были исключены данные об индивидах, которые указали в дневнике, что распределили на сон или оплачиваемую занятость более 1000 минут в день. Также были исключены наблюдения для индивидов, которые указали распределение

своего времени на обследуемые виды деятельности менее чем за 12 часов (то есть общее время составляет менее 720 минут).

5. Ограничение выборки по возрасту (старше 20 лет)

Детское и подростковое благополучие – это отдельная исследовательская область, изучение которой выходит за рамки данного исследования. Во избежание искажения оценок индивиды возраста до 19 лет включительно были исключены из анализа.

6. Нормирование величины денежного дохода на члена домохозяйства

Величина среднемесячного дохода на члена домохозяйства была разделена на стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг по регионам России в 2019 и 2024 гг.

7. Разделение полученных данных на две части в зависимости от дня недели заполнения дневника – рабочие и выходные дни

При дальнейшем моделировании использовалась преимущественно выборка для рабочих дней, когда большая часть населения имеет более устойчивый распорядок дня.

2.2. Ключевые характеристики наборов данных о распределении времени 2019 и 2024 гг.

Обработанные выборки содержат информацию о более чем 60 тысячах респондентов⁶. Доля женщин в обеих волнах обследования – 62%, 68% респондентов проживают в городской местности. Средний возраст участников в 2024 году – 52 года, в 2019 – 51 год.

Несмотря на различия в количестве наблюдений между наборами данных 2024 и 2019 гг., возрастно-половые пирамиды имеют схожую форму: различия

⁶ 63 745 – рабочий день 2024 года, 68 618 – рабочий день 2019 года, 63 700 – выходной день 2024 года, 67 982 - выходной день 2019 года

между группами в пределах 1% (рис. 1). Отсутствуют явные сдвиги, которые могут свидетельствовать об омоложении или старении одной из выборок.

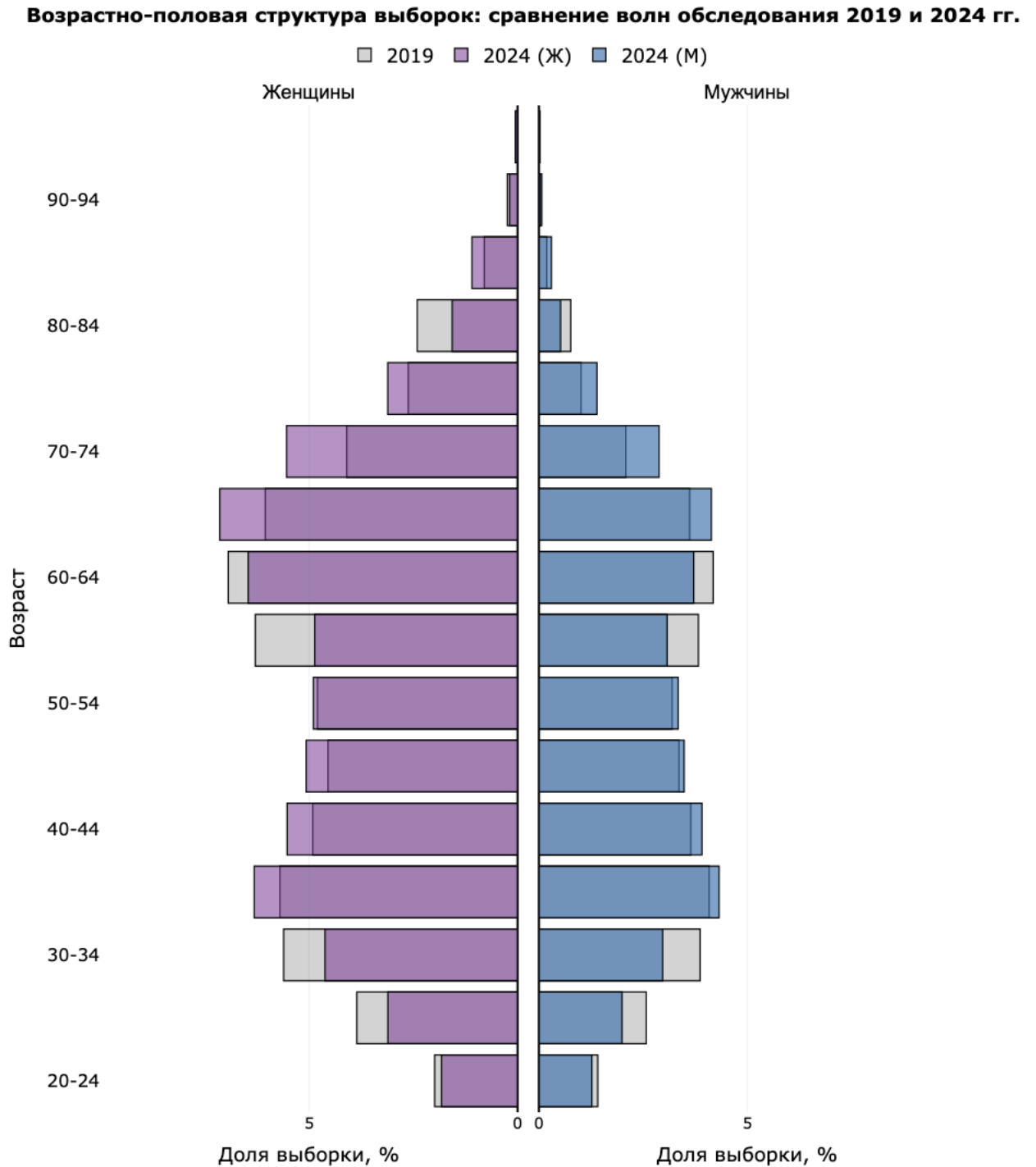

Рисунок 1. Возрастно-половая структура выборок двух волн обследования. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

Также необходимо отметить устойчивость структуры выборок внутри подгрупп: в разрезе семейного положения, места проживания и количества совместно проживающих детей в возрасте до 15 лет (не включительно). Визуализации возрастно-половой структуры двух волн обследования в разрезе семейного положения, места проживания и количества совместно проживающих детей приведены в приложении 2.

Сопоставление ответов опрашиваемых индивидов в отношении каждого из выбранных индикаторов благополучия представлено на рисунках 2–4. В 2024 году члены российских домохозяйств чаще, чем в 2019 году, оценивали свое здоровье как «Хорошее» и «Очень хорошее». Увеличилась доля респондентов со средним профессиональным, неоконченным высшим и высшим образованием. Средний доход на члена домохозяйства в 2024 году чаще превышает величину стоимости фиксированного набора товаров и услуг по сравнению с данными 2019 года.

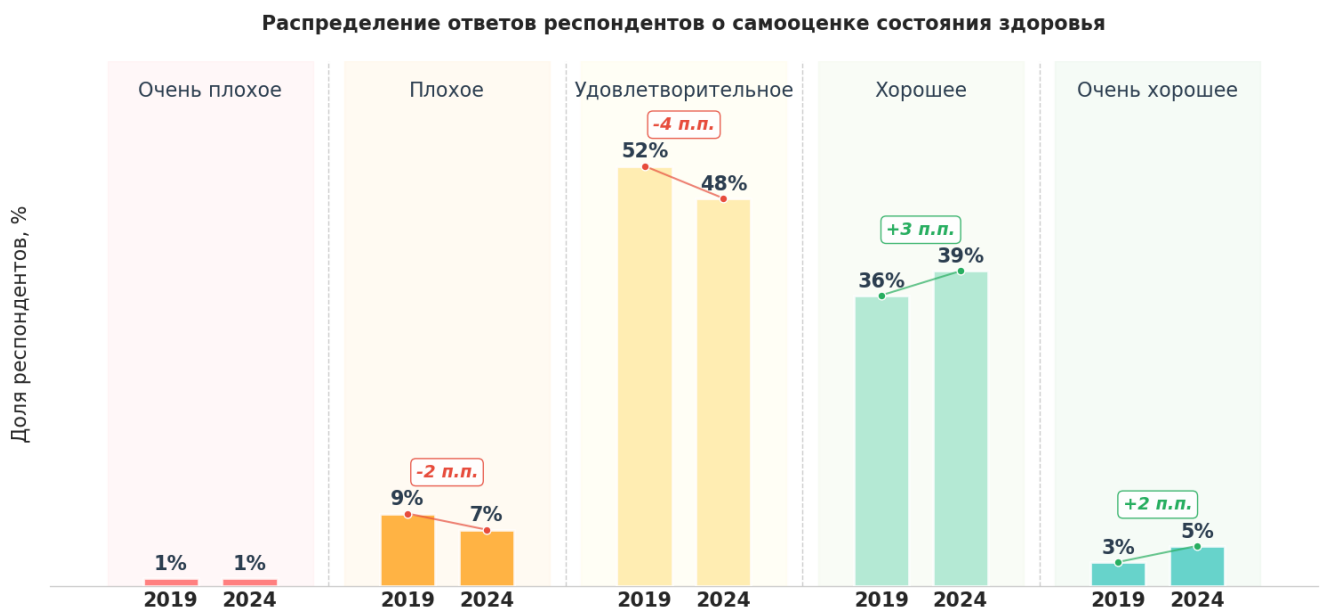

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов о самооценке состояния здоровья. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

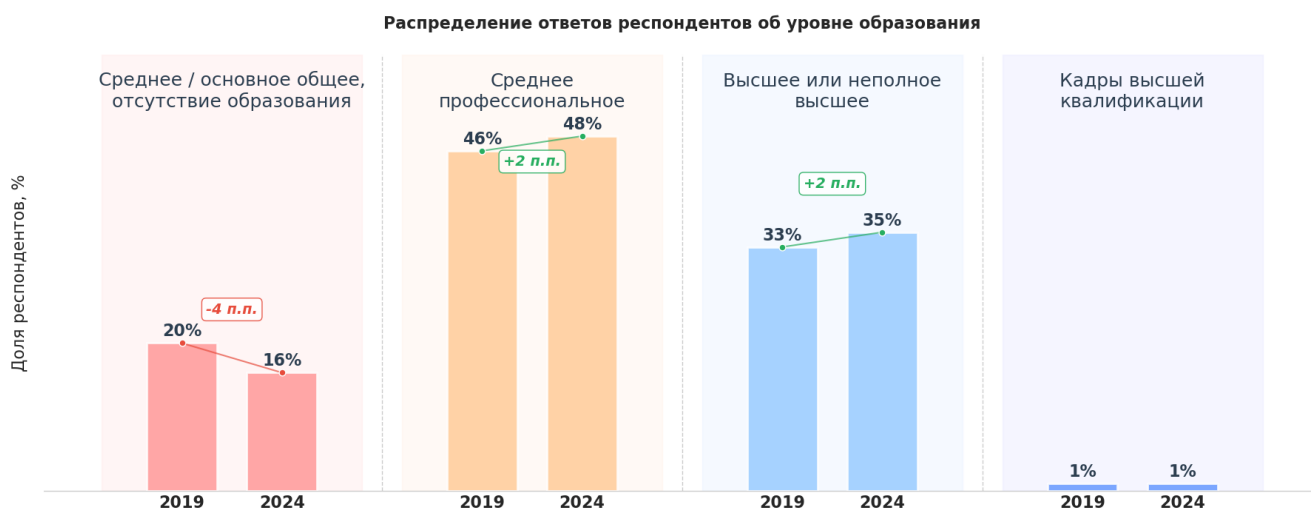

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов об уровне образования. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

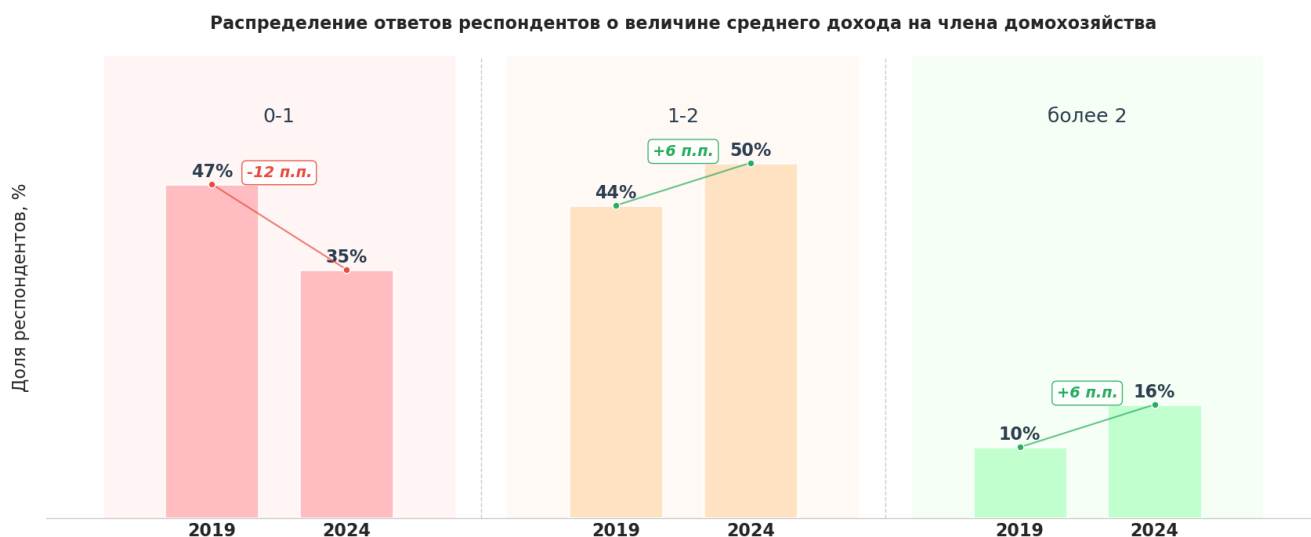

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов о величине дохода. Информация о доходе представлена по отношению к стоимости фиксированного набора товаров и услуг по регионам. Значению 0–1 соответствует величина дохода, не превышающая стоимость фиксированного набора товаров и услуг в регионе респондента. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

Временные стратегии членов российских домохозяйств отличаются в рабочие и выходные дни. В рабочие дни значительная часть времени

распределяется на оплачиваемую занятость, а в выходные, как правило, происходит перераспределение нагрузки в пользу восстановительных видов деятельности. Сравнение усредненной структуры распределения времени между различными видами деятельности в 2019 и в 2024 годах позволяет говорить о сопоставимости средних временных затрат и, как следствие, относительной устойчивости моделей распределения времени. При этом можно отметить небольшое снижение средних временных затрат на досуг и увеличение времени на ведение домашнего хозяйства в выходной день в 2024 году. Также заметно незначительное увеличение усредненного времени на оплачиваемую занятость в рабочий день и снижение средних временных затрат на уход за детьми (рис. 5).

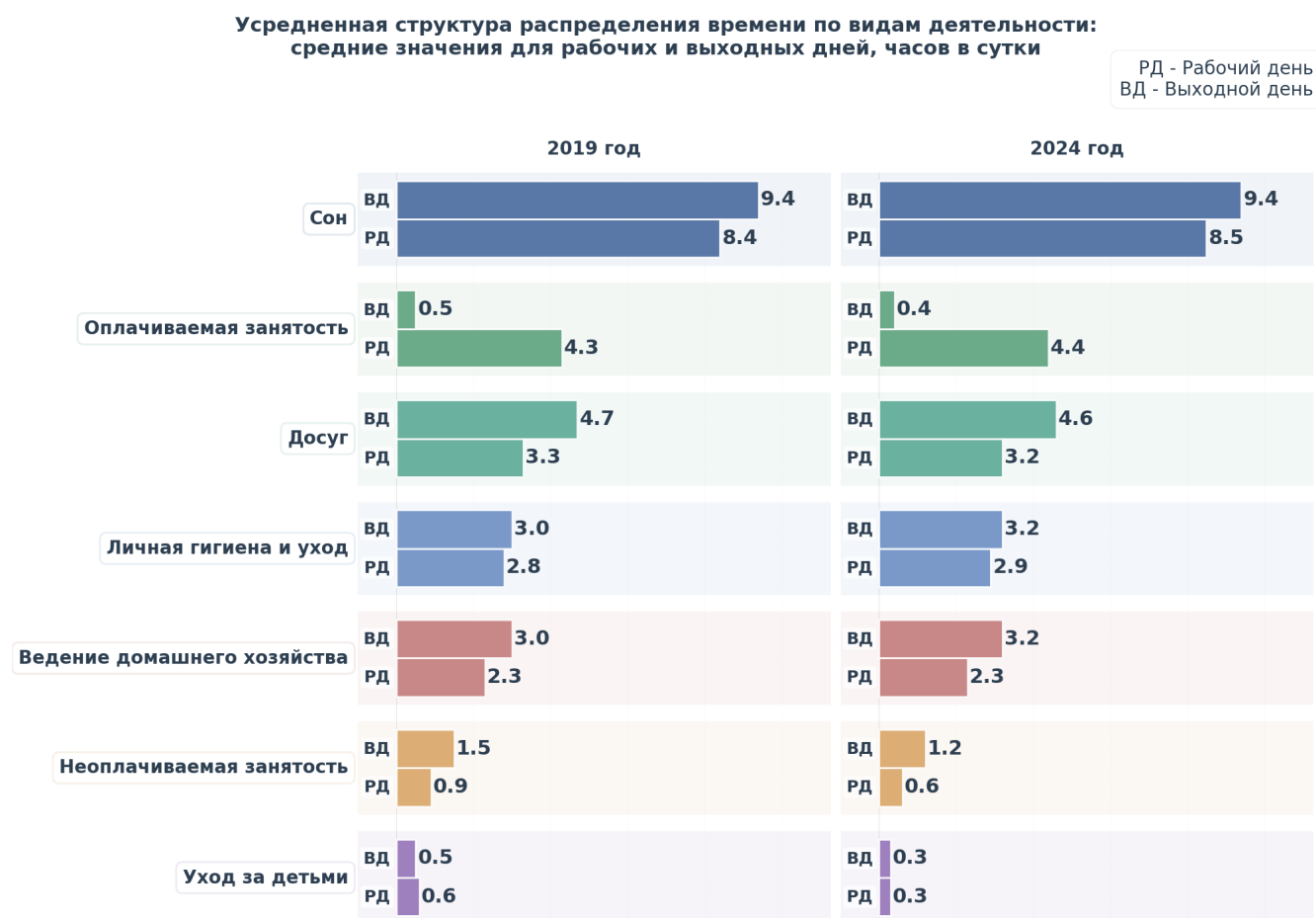

Рисунок 5. Структура распределения времени по видам деятельности: средние значения для рабочих и выходных дней, часов в сутки. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

Что касается различий в распределении времени между мужчинами и женщинами, сопоставление данных волн 2019 и 2024 года показывает устойчивость гендерной модели разделения труда. На сон, личную гигиену и уход за собой респонденты обоих полов в среднем тратят сопоставимое количество времени. При этом мужчины по-прежнему больше времени расходуют на оплачиваемую занятость и досуг, а женщины – на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми (рис. 6).

Результаты российских исследований бюджетов времени показывают, что структура распределения времени мужчин остается относительно устойчивой при изменении числа детей и определяется преимущественно трудовой занятостью, в то время как для женщин количество детей является значимым фактором преобразования образа жизни [Антонов и др., 2024]. Не более чем в 4% домохозяйств домашние обязанности равномерно распределяются между супругами, но даже в этих случаях участие мужей в большей степени вспомогательное [Rebrey, 2023]. Несмотря на общее увеличение времени на ведение домашнего хозяйства в период самоизоляции (и у мужчин, и у женщин), нагрузка на женщин росла непропорционально, а мужчины выступали в роли помощников [Калабихина и Ребрей, 2020, Овчарова и др., 2022]. Иными словами, российские домохозяйства по данным 2024 года по-прежнему характеризуются традиционным типом в распределении ролей [Калабихина и др., 2022].

**Усредненная структура распределения времени мужчинами и женщинами по видам деятельности:
средние значения для рабочих и выходных дней, часов в сутки**

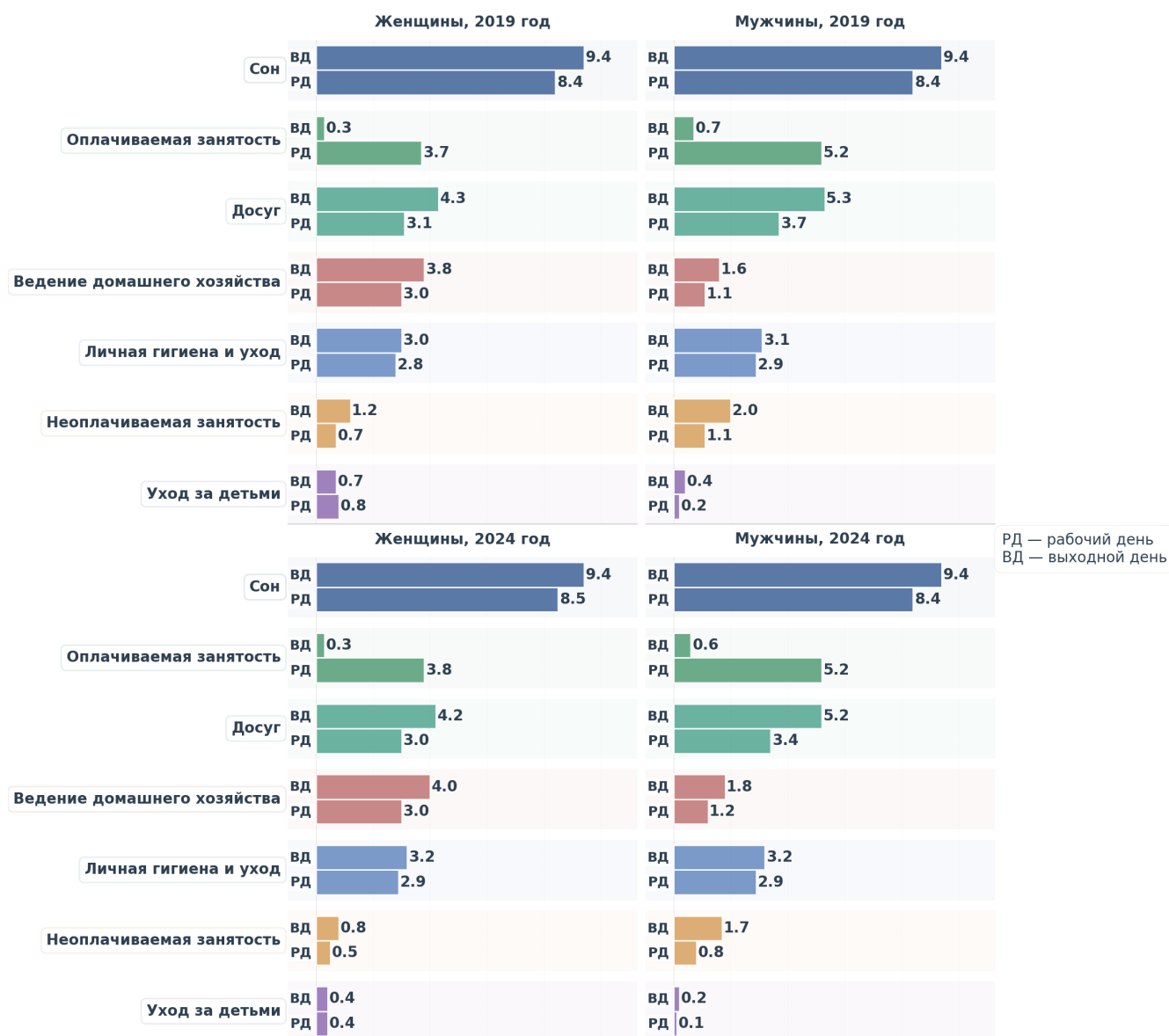

Рисунок 6. Структура распределения времени мужчинами и женщинами по видам деятельности: средние значения для рабочих и выходных дней, часов в сутки. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

Низкие средние значения для оплачиваемой занятости объясняются наличием в общей выборке не занятых на рынке труда индивидов. Для получения представления о структуре образа жизни работающих лиц в приложении 3 представлены усредненные значения распределения времени на разные виды

деятельности в рабочий день для индивидов с положительным значением часов оплачиваемой занятости.

Распорядок дня работающих респондентов за 5 лет существенно не изменился. В 2024 году среднее количество рабочих часов для мужчин составляет 8,1 часа (снижение на 0,3 часа по сравнению с 2019 годом), а для женщин – 7,5 часа (снижение также на 0,3 часа по сравнению с 2019 годом). При этом по результатам обеих волн обследования работающие женщины в среднем в 2,5 раза больше времени расходуют на ведение домашнего хозяйства.

Приведенные усредненные значения для каждой из категорий расходования времени дают общее представление о различиях по полу и типу дня, однако использование только средних величин не позволяет охарактеризовать неоднородность распределений.

В приложении 4 приведены визуализации плотности распределений времени на каждый из выделенных видов деятельности в рабочий и выходной день, а также результаты сопоставления распределений для мужчин и женщин в обеих волнах обследования.

Для части видов деятельности (например, уход за детьми и неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования) распределение имеет выраженный пик около нулевого значения, демонстрируя малую вовлеченность в рассматриваемые виды деятельности. Кроме того, относительно низкие временные затраты на уход за детьми могут быть связаны с особенностью заполнения дневников распределения времени. Несмотря на наличие категории «пассивный уход» в детализированном перечне видов деятельности (приложение 1), уход за детьми часто совмещается с другими активностями (например, с приготовлением пищи), из-за чего может не фиксироваться надлежащим образом.

Сопоставление данных о рабочих и выходных днях позволяет отметить смещение кривых распределений, особенно в части ведения домашнего хозяйства,

досуга и оплачиваемой занятости. Данный результат интерпретируется как изменение режима в зависимости от типа дня.

В 2024 году общая форма распределений в отношении большинства видов деятельности не изменилась по сравнению с 2019 годом. Различия заметны в основном в ведении домашнего хозяйства – в 2024 году распределение смещено в сторону больших временных затрат. Таким образом, полученный результат подтверждает подчеркнутую выше устойчивость структуры распределения времени на основные виды деятельности.

Анализ плотности распределений для мужчин и женщин подтверждает выводы, описанные при сравнении средних временных затрат: гендерные различия особенно заметны в таких видах деятельности, как уход за детьми, ведение домашнего хозяйства и оплачиваемая занятость.

Ввиду того, что с возрастом меняются жизненные обстоятельства, приоритеты и, как следствие, поведенческие модели, целесообразным представляется рассмотреть визуализации плотности распределений времени на основные виды деятельности в различных возрастных группах: молодой (20 – 40 лет), средний (41 – 65 лет) и старший возраст (65 +) (рис. 7).

Старшая возрастная группа отличается смещением распределений времени на сон, неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования и досуг в сторону более высоких значений. Для женщин в молодом возрасте в сторону увеличения смещено распределение времени на уход за детьми, а для мужчин в молодом возрасте характерны повышенные временные затраты на оплачиваемую занятость. Результаты на российских данных согласуются с общими тенденциями, обозначенными Дж. Гершуни [Gershuny, 2003].

Распределение времени мужчинами и женщинами в рабочий день по возрастным группам, 2024 г.

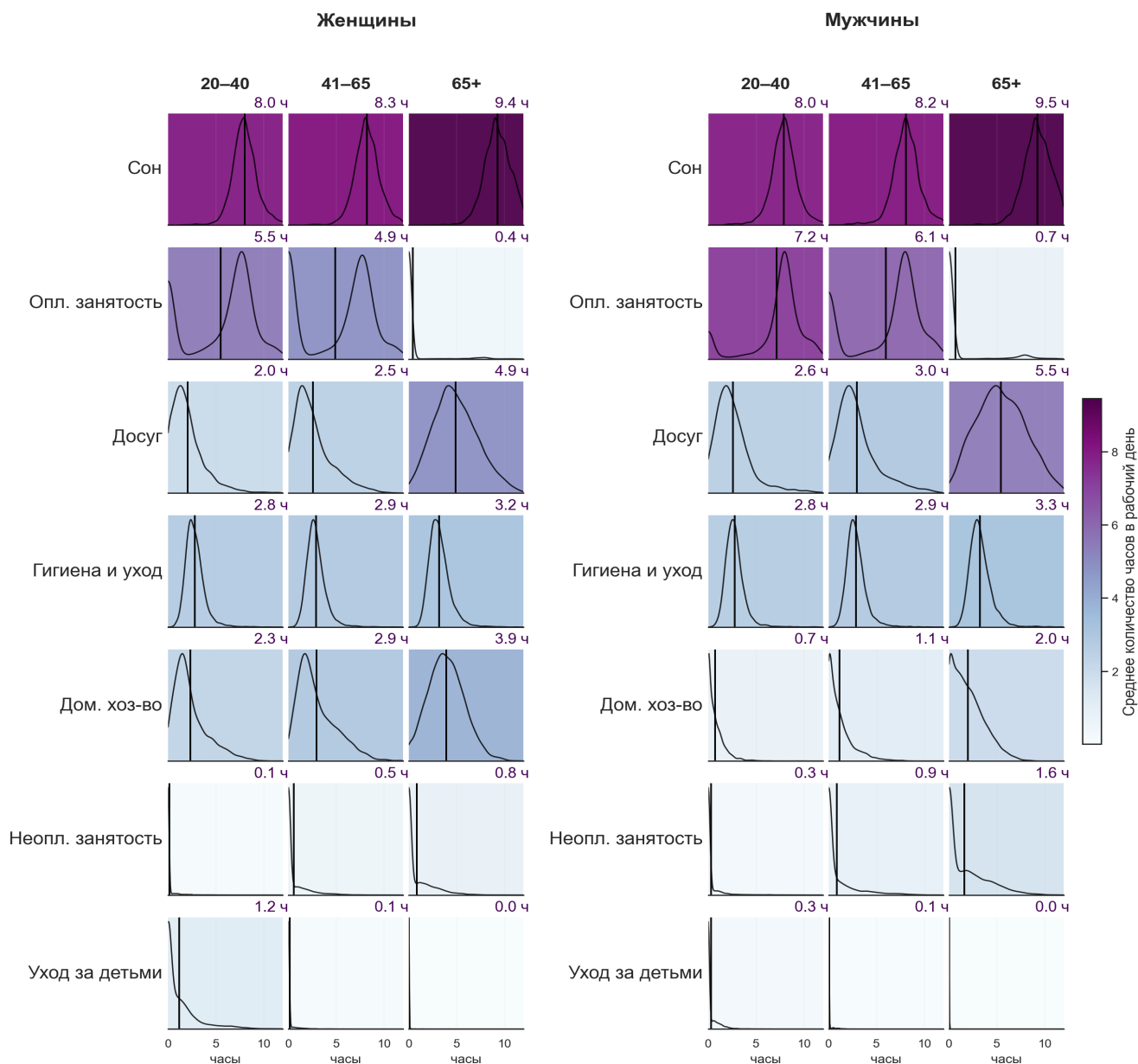

Рисунок 7. Средние значения (количество часов) и формы плотности распределения времени по видам деятельности в разрезе пола и возраста, рабочий день. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

2.3. Специфика данных о распределении суточного времени

Особенностью данных о распределении времени является их композиционная природа: сумма всех направлений расходования сводится к 24 часам (или 1440 минутам) [Krueger и др., 2009]. Увеличение количества времени

на один вид активности сопровождается уменьшением времени на другие, что может приводить к зависимости между потенциальными регрессорами [Aitchison, 1982, Bacon-Shone, 2011, Greenacre, 2018, Filzmoser и др., 2018].

Напомним, что в рамках проводимого исследования рассматривается 7 основных видов активности: сон, оплачиваемая занятость, неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования, ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, досуг и личная гигиена и уход за собой. При этом в анализе не задействованы виды занятости, связанные с образовательной и волонтерской деятельностью, передвижениями, а также прочие не включенные в выбранные укрупненные категории виды занятий. То есть сумма исследуемых видов активностей не является одинаковой для всех респондентов. Например, разброс в суммарном распределении времени в выборке рабочего дня 2024 года составил 81 минуту. Это снижает риск строгого композиционного ограничения.

Анализ, проведенный на этапе предобработки данных, показал умеренные корреляции между различными видами деятельности (в пределах 0,6), что может указывать на отсутствие признаков критической мультиколлинеарности. Исследование проводится в предположении, что рассматриваемые виды деятельности отражают структуру основного времени большинства респондентов.

Принимая во внимание описанные выше особенности, при дальнейшем моделировании временные переменные рассматриваются, прежде всего, в исходных единицах (часы) для сохранения интерпретируемости результатов и проверки наличия нелинейности за счет включения квадратичных членов.

Дополнительно в исследовании применяется альтернативный подход к обработке данных о распределении времени - преобразование ALR (additive log-ratio). Данное преобразование используется для анализа относительной структуры распределения времени и состоит в сравнении каждой компоненты (вида деятельности) с базовой [Aitchison, 1982, Van den Boogaart и Tolosana-Delgado, 2013]. В качестве базовой компоненты выбрано время, расходуемое на сон, так как

в данной категории доля нулевых значений наименьшая. В результате преобразования каждая компонента выражается в виде логарифма отношения к базовой (1).

$$alr(x_i) = \ln \frac{x_i}{x_D}, i = 1, \dots, D - 1 \quad (1)$$

где x_i – время (в часах) на i -й вид деятельности, x_D – время (в часах) на сон (базовую активность).

Особое внимание при применении альтернативного подхода (ALR) необходимо обратить на наличие нулей в данных, так как они делают преобразование невозможным ($\ln(0)$ не определен) [Van den Boogaart и Tolosana-Delgado, 2013]. В случае с данными о бюджетах времени нули не являются пропущенными наблюдениями и означают, что индивид не расходовал время на тот или иной вид деятельности (например, не занимался уходом за детьми). Поэтому для обеспечения применимости подхода был использован метод Мультипликативной замены (Multiplicative Replacement) [Martín-Fernández и др., 2003, Martín-Fernández и др., 2011, Palarea-Albaladejo и Martín-Fernández, 2015]. Его идея состоит в замене нулей малыми положительными значениями и корректировке ненулевых компонент таким образом, чтобы исходная общая сумма оставалась прежней. Технически это было реализовано с помощью пакета `zCompositions` в R⁷. [Palarea-Albaladejo и Martín-Fernández, 2015]

Переменные с более чем 80% нулевых значений исключались из набора временных переменных для преобразования и добавлялись в модель как отдельный регрессор в исходных единицах измерения (часы). Например, выборки рабочего дня в 2024 году исключена переменная времени на уход за детьми.

⁷ Documentation for package «zCompositions» version 1.5.0-4. Bayesian-Multiplicative replacement of count zeros [Электронный ресурс]: R Documentation. –2023. – Режим доступа: <https://search.r-project.org/CRAN/refmans/zCompositions/html/cmultipRepl.html>

ALR-преобразование рассматривается как способ проверки согласованности результатов с основной спецификацией, а также для интерпретации связей в терминах перераспределения времени на те или иные виды активности. Реализация описанной методологической стратегии позволяет одновременно ответить на два исследовательских вопроса:

- Как вовлеченность в основные виды деятельности связана с благополучием;
- Как с благополучием связано перераспределение времени в пользу конкретных активностей.

2.4. Методология оценки благополучия с учетом распределения времени

В части 1.3. было показано, что помимо привычных регрессий для оценки благополучия в литературе часто используют комбинированные способы моделирования, в частности разновидности моделирования структурными уравнениями (structural equation modeling – SEM). Применение такого подхода позволяет одновременно оценить ненаблюдаемую напрямую переменную (в рамках данной работы – благополучие), а также ее связи с наблюдаемыми факторами.

Обработанные данные использованы для моделирования методом множественных индикаторов и множественных причин (Multiple Indicators Multiple Causes model – MIMIC). Данный метод впервые был представлен Jöreskog и Goldberger в 1975 году [Jöreskog и Goldberger, 1975]. Являясь расширением конфирматорного факторного анализа (CFA) с ковариатами [Chang и др., 2020], он позволяет формализовать отношения между наблюдаемыми и ненаблюдаемыми переменными. К преимуществам MIMIC относят возможность оценки содержательной валидности смоделированной конструкции с количественной точки зрения [Posey и др., 2015], а также одновременную оценку скрытой переменной и ее связи с причинными переменными [Zwierzchowski и Panek, 2020, Chang и др., 2020].

Модель МІМІС состоит из двух связанных частей – измерительной и структурной (или регрессионной). [Buehn и Schneider, 2008] Измерительная часть описывает, как ненаблюдаемая переменная (благополучие) проявляется через выбранные индикаторы, а структурная описывает связь между ненаблюдаемым благополучием и набором факторов.

Ниже приведено детализированное описание каждой из частей модели множественных индикаторов и множественных причин.

Измерительная часть

В качестве индикаторов ненаблюдаемой переменной благополучия измерительная часть включает следующие переменные:

- величина среднего дохода на члена домохозяйства в единицах стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг для каждого из регионов (*income*).
- уровень образования (1–9⁸), где 1 – отсутствие основного общего образования, а 9 – послевузовское образование (аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура) (*education*). Использование детализированной 9-балльной шкалы позволяет более точно отразить различия между уровнями образования.
- самооценка состояния здоровья (1–5) – субъективно оцененная респондентом характеристика, где 1 – очень плохое, а 5 – очень хорошее здоровье (*health*).

Формально измерительную часть можно описать следующим образом:

Скалярная форма: (2) – (4).

$$health_i = \lambda_1 * well - being_i + \varepsilon_{1i} \quad (2)$$

$$income_i = \lambda_2 * well - being_i + \varepsilon_{2i} \quad (3)$$

⁸ В наборе данных обследования 2024 года уровень детализации переменной образования изменен, высшей квалификации соответствует значению 8.

$$education_i = \lambda_3 * well - being_i + \varepsilon_{3i} \quad (4)$$

где $\lambda_1 - \lambda_3$ – факторные нагрузки, $\varepsilon_1 - \varepsilon_3$ – ошибки измерения

Векторная форма: (5)

$$y = \Lambda well - being + \varepsilon \quad (5)$$

где y – вектор индикаторов ненаблюдаемой переменной благополучия (нормированный доход, состояние здоровья, уровень образования), Λ – вектор факторных нагрузок, $well - being$ – ненаблюдаемая (латентная) переменная благополучия.

$$y = \begin{pmatrix} health \\ income \\ education \end{pmatrix}, \quad \Lambda = \begin{pmatrix} \lambda_1 \\ \lambda_2 \\ \lambda_3 \end{pmatrix}, \quad \varepsilon = \begin{pmatrix} \varepsilon_1 \\ \varepsilon_2 \\ \varepsilon_3 \end{pmatrix}$$

Факторные нагрузки показывают, насколько тот или иной индикатор отражает различия между индивидами в уровне ненаблюдаемого благополучия. Более высокие значения факторной нагрузки означают, что различия в латентном благополучии отражаются в большей степени в различиях соответствующего индикатора.

Перед оценкой модели для обеспечения сопоставимости масштабов индикаторы были стандартизированы с помощью функции `scale` в R.

Структурная (регрессионная) часть

Вторая часть модели описывает, как ненаблюдаемая переменная (благополучие) связана со следующими группами переменных:

Базовые социально-демографические характеристики⁹:

- Пол;

⁹ В ряде спецификаций (для семейных пар) в перечень регрессоров включается дополнительно показатель количества совместно проживающих детей до 15 лет.

- Возраст;
- Количество членов домохозяйства;
- Тип местности, в которой проживает индивид;
- Признак наличия брака (зарегистрированного или незарегистрированного).

Количество часов, расходуемых на укрупненные виды дневной активности:

- Оплачиваемая занятость
- Ведение домашнего хозяйства
- Неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования
- Уход за детьми
- Досуг
- Личная гигиена и уход за собой
- Сон

Дополнительно включаются квадраты временных регрессоров для выявления возможной нелинейности.

Таким образом, регрессионная часть модели может быть представлена в следующем виде:

Скалярная форма: (6)

$$well - being_i = \gamma_1 * age_i + \gamma_2 * gender_i + \dots + \gamma_{n-1} * sleep_i + \gamma_n * sleep_i^2 + \zeta_i \quad (6)$$

где $\gamma_1 - \gamma_n$ – коэффициенты при наблюдаемых факторах, ζ_i – ошибка регрессионной части

Векторная форма: (7)

$$well - being = \Gamma^T X + \zeta \quad (7)$$

где Γ – вектор коэффициентов при наблюдаемых факторах, X – вектор наблюдаемых факторов, ζ – ошибка регрессионной (структурной) части.

$$X = \begin{pmatrix} \textit{gender} \\ \textit{age} \\ \textit{age}^2 \\ \textit{territory} \\ \textit{marital status} \\ \textit{family} \\ \textit{work} \\ \textit{work}^2 \\ \textit{household} \\ \textit{household}^2 \\ \textit{unpaid} \\ \textit{unpaid}^2 \\ \textit{child} \\ \textit{child}^2 \\ \textit{free} \\ \textit{free}^2 \\ \textit{basic needs} \\ \textit{basic needs}^2 \\ \textit{sleep} \\ \textit{sleep}^2 \end{pmatrix}, \quad \Gamma = \begin{pmatrix} \gamma_1 \\ \gamma_2 \\ \dots \\ \gamma_n \end{pmatrix}$$

Таким образом, модель множественных индикаторов и множественных причин представляется в виде системы (8).

$$\begin{cases} y = \Lambda \textit{well} - \textit{being} + \varepsilon \\ \textit{well} - \textit{being} = \Gamma^T X + \zeta \end{cases} \quad (8)$$

При подстановке получается уравнение вида (9).

$$y = \Lambda * (\Gamma^T X + \zeta) + \varepsilon = \Lambda \Gamma^T X + \Lambda \zeta + \varepsilon \quad (9)$$

Оценка параметров описанных выше подмоделей (измерительной и регрессионной) осуществляется методом максимального правдоподобия. Данный метод позволяет одновременно оценить все параметры модели MIMIC, включая факторные нагрузки ($\lambda_1 - \lambda_3$) и коэффициенты регрессии ($\gamma_1 - \gamma_n$). Подбираются такие параметры, при которых модель лучше всего воспроизводит наблюдаемые связи между переменными. Оценка проводилась с использованием пакета lavaan в R [Rosseel, 2012]

Схематично модель MIMIC представлена на рисунке 8.

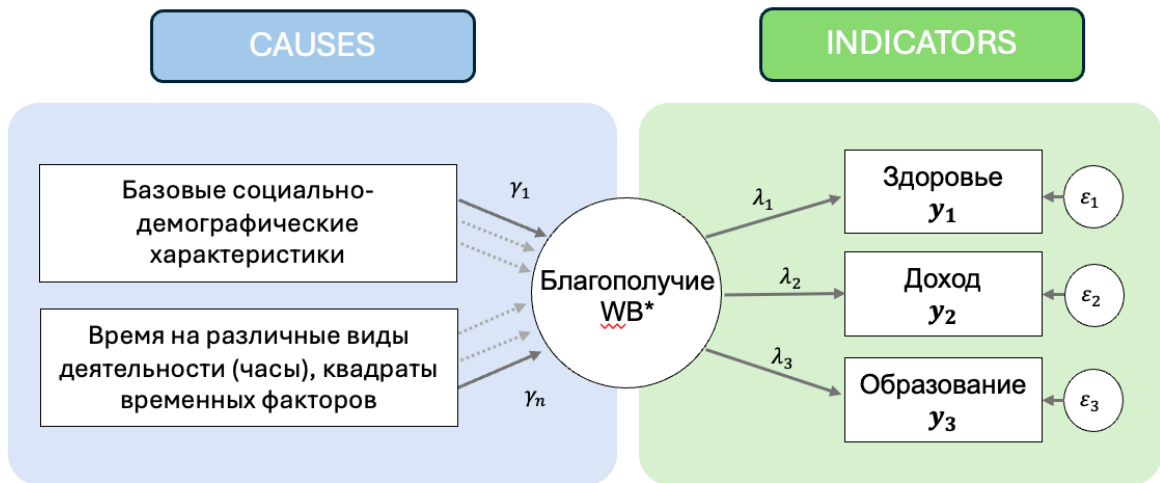

Рисунок 8. Схематичное представление модели множественных индикаторов и множественных причин. Источник: составлено автором

Напомним, что для выявления возможной нелинейности в модель включены квадратичные члены временных регрессоров. Данная спецификация позволяет идентифицировать точки максимума (минимума) – значения соответствующих временных показателей, при которых предельный эффект изучаемого вида деятельности на ненаблюдаемую переменную меняет знак.

Точки максимума (минимума) вычисляются на основе значений коэффициентов при линейных и квадратичных регрессорах. Так, например, точка «перегиба» для времени на сон определяется следующим образом (10):

$$EP_{sleep} = -\frac{\gamma_{n-1}}{2 * \gamma_n} \quad (10)$$

В случае статистической значимости квадратичного и линейного регрессора появляется возможность интерпретировать характер связи (U-образная или перевернутая U-образная), а также определить значение регрессора, при котором ненаблюдаемая переменная достигает максимума или минимума.

Например, $\gamma_n > 0$ и $\gamma_{n-1} < 0$ свидетельствует о наличии U-образной связи (точка перегиба соответствует минимуму), а $\gamma_n < 0$ и $\gamma_{n-1} > 0$ свидетельствует о наличии перевернутой (обратной) U-образной связи (точка перегиба соответствует максимуму).

Оценены модели на выборках рабочих дней для двух волн обследования (2019 и 2024 гг.). Дополнительно построены оценки для разных форм досуга, а также для различных возрастных групп, выборок по полу и типу семьи (за 2024 год).

Необходимо отметить, что в рамках описанной методологии результаты оценки интерпретируются исключительно в терминах связи (наличие/направление), а характеристика причинно-следственных эффектов не приводится вследствие возможной эндогенности. С одной стороны, образ жизни индивидов - «полезные» привычки, здоровый образ жизни, сбалансированная занятость - воздействует на благополучие в наших терминах. С другой стороны, представляется, что индивиды с более высоким уровнем благополучия склонны делать более рациональный выбор в отношении распределения времени (т. е. само благополучие может воздействовать на образ жизни).

Глава 3. Связь распределения времени и благополучия членов российских домохозяйств¹⁰

3.1. Благополучие членов российских домохозяйств с учетом распределения времени в контексте основных видов деятельности

В рамках данного раздела представлены результаты проверки общей гипотезы о наличии статистически значимой и устойчивой связи измеренного предложенным способом благополучия с распределением времени на основные виды деятельности.

Результаты оценивания модели множественных индикаторов и множественных причин (ММПС) для выборок рабочего дня обеих волн обследования приведены в таблице 2. Для выборки 2024 года более высокие значения ненаблюдаемого благополучия в среднем соответствуют более высоким значениям каждого из индикаторов (положительные факторные нагрузки). Наибольшая стандартизированная факторная нагрузка (0,716) приходится на оценку состояния здоровья. В соответствии с моделью, различия в ненаблюдаемом благополучии в большей степени отражаются в данном индикаторе.

Следует отметить, что факторная нагрузка может меняться в зависимости от рассматриваемого среза данных. Различные социально-демографические группы людей могут иметь отличные от общей совокупности отношения между переменными. Например, в более молодом возрасте фокус с характеристики здоровья может быть смещен в сторону дохода: молодые люди зачастую имеют меньшие проблемы со здоровьем в сравнении с более старшим поколением, поэтому значение и разброс оценок здоровья для них может преуменьшаться. Кроме того, в каждом отдельном срезе могут преобладать группы с теми или

¹⁰ В главе используются материалы из следующих публикаций автора:

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Благополучие членов российских домохозяйств с учетом данных о распределении времени // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – Т. 60. – № 6. – С.329-366

Ядрищенская (Башкирова) К.Ю. Досуг в оценке индивидуального благополучия лиц трудоспособного возраста // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2026. №1. – С.109-132

иными характеристиками (например, более образованные индивиды или индивиды с более высоким доходом) – это также может оказывать воздействие на величины факторных нагрузок.

Среди регрессоров, с помощью которых оценена ненаблюдаемая переменная благополучия, особое внимание можно обратить на время, расходуемое на оплачиваемую занятость. Значимость на любом приемлемом уровне квадрата данного регрессора с отрицательным знаком говорит о наличии перевернутой U-образной связи. Полученные результаты соотносятся с упомянутыми С. Мейером, А. Штуцером [Meier, Stutzer, 2006]. При этом в рамках исследования из-за большого количества пропущенных наблюдений не учитывается характер работы, а также отсутствует возможность определить, добровольный это ли выбор индивида [Dolan и др., 2008, Boniwell, Osin, 2015]. Наибольшие при прочих равных значения латентного благополучия наблюдаются при распределении на оплачиваемую занятость ~5-6 часов в рабочий день (вершина параболы расположена на уровне ~5,4 часа). Оцененные точки перегиба (вершины) приводятся в качестве примерного ориентира для оценки оптимального в среднем и при прочих равных объема временных затрат.

Наличие обратной U-образной связи было обнаружено также для времени, распределяемого на досуг. Временная граница, при превышении которой уровень благополучия в среднем ниже, равна ~1,4 часа.

Для таких видов деятельности, как уход за детьми и неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования, напротив, была выявлена U-образная связь, то есть при увеличении времени на эти виды деятельности ненаблюдаемое благополучие в среднем ниже до определенной границы, начиная с которой ассоциируется с более высоким его уровнем. В случае с неоплачиваемой занятостью для собственного использования точка перегиба расположена на уровне ~7,5 часа, а с таким видом деятельности как уход за детьми – на уровне ~5,5 часа.

Полученный результат в части времени на уход за детьми предлагается интерпретировать следующим образом: для индивидов с ненулевыми временными затратами на воспитание детей существуют издержки малой вовлеченности в родительство. Так, при недостаточном расходовании времени на детей (возможно, вследствие чрезмерной загруженности на рынке труда и в домашнем хозяйстве) дополнительное увеличение времени на этот вид деятельности связан с более низким уровнем благополучия, а при наличии возможности расходовать более 5,5 часа – с более высоким.

Также следует отметить, что парабола для времени на уход за детьми более пологая по сравнению с параболой времени на неоплачиваемую занятость. Это значит, что на убывающем участке параболы для времени на уход за детьми снижение оцененного благополучия более плавное по сравнению с временем на неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования.

Ведение домашнего хозяйства и личная гигиена и уход за собой отрицательно связаны с ненаблюдаемым благополучием. Количество часов сна, в соответствии с полученными для 2024 года результатами, не является значимым (однако значим квадратичный член).

В отношении социально-демографических характеристик можно отметить, что в наблюдаемом (реалистичном) возрастном диапазоне связь между количеством исполнившихся лет с латентным благополучием отрицательная. При этом квадрат данной переменной значим, поэтому данный результат будет уточнен при анализе на выборках, разделенных по возрастным группам.

Общая оценка благополучия в среднем выше среди индивидов со следующими характеристиками:

- Принадлежность к мужскому полу (значимость 10% уровне);
- Проживание в городской местности;
- Состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке;
- Имеющих меньший размер домохозяйства.

Таблица 2. Результаты оценки моделей МІМІС

Переменные\выборка	Рабочий день, 2019	Рабочий день, 2024
Индикаторы:	Факторные нагрузки	
Оценка состояния здоровья (health)	0.669	0.716
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.179	0.255
Образование (education)	0.390	0.346
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)	
Возраст (age)	-0.023*** (0.001)	-0.023*** (0.001)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000** (0.000)	0.000*** (0.000)
Пол (gender)	0.051*** (0.007)	0.014* (0.007)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.030*** (0.003)	-0.034*** (0.004)
Место проживания (territory)	0.197*** (0.006)	0.151*** (0.007)
Семейное положение (marital_status)	0.075*** (0.007)	0.06*** (0.008)
Оплачиваемая занятость (work)	0.071*** (0.004)	0.065*** (0.004)
Оплачиваемая занятость ² (work_sqrt)	-0.006*** (0.000)	-0.006*** (0.000)
Ведение домашнего хозяйства (household)	-0.002 (0.005)	-0.026*** (0.005)
Ведение домашнего хозяйства ² (household_sqrt)	-0.002*** (0.001)	0.000 (0.001)
Неоплачиваемая занятость (unpaid)	-0.043*** (0.005)	-0.045*** (0.005)
Неоплачиваемая занятость ² (unpaid_sqrt)	0.003*** (0.001)	0.003*** (0.001)
Уход за детьми (child)	-0.028*** (0.006)	-0.033*** (0.008)
Уход за детьми ² (child_sqrt)	0.003*** (0.001)	0.003*** (0.001)
Досуг (free)	0.004 (0.004)	0.017*** (0.005)
Досуг ² (free_sqrt)	-0.005*** (0.000)	-0.006*** (0.000)
Личная гигиена и уход за собой (basic_needs)	-0.01 (0.008)	-0.032*** (0.008)
Личная гигиена и уход за собой ² (basic_needs_sqrt)	-0.004*** (0.001)	-0.001 (0.001)
Сон (sleep)	0.059*** (0.01)	0.017 (0.012)
Сон ² (sleep_sqrt)	-0.006*** (0.001)	-0.003*** (0.001)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.98	0.99
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.97	0.98
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.09	0.08
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.04	0.03
Количество наблюдений	68618	63745

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2019 г. и 2024 г.

Для оценки качества модели рассматриваются стандартные характеристики, оценивающие степень, в которой предложенная модель соответствует данным:

- Индекс сравнительного соответствия (Comparative Fit Index - CFI) и индекс Такера-Льюиса (Tucker–Lewis Index - TLI) – как характеристики того, насколько модель «лучше» по сравнению с базовой;
- Среднеквадратическая ошибка аппроксимации (Root Mean Square Error of Approximation - RMSEA) и стандартизованный среднеквадратический остаток (Standardized Root Mean Square Residual - SRMR) – как характеристики степени расхождения модели с наблюдаемыми данными.

Индекс сравнительного соответствия (CFI), значения которого могут варьироваться от 0 до 1, в полученной модели равен 0,99, что указывает на высокое соответствие модели данным. Индекс Такера-Льюиса (TLI) равен 0,98, что также говорит о хорошем соответствии. Среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) на уровне допустимого порога (0,08), а стандартизованный среднеквадратический остаток (SRMR) равен 0,03 (значения менее 0,08 указывают на хорошее качество модели).

Идентифицируемость модели была проверена с помощью анализа дисперсионно-ковариационной матрицы оцениваемых параметров модели – получена положительно определенная матрица. Это означает, что параметры модели данной спецификации (факторные нагрузки/коэффициенты при наблюдаемых факторах) определены однозначно.

Для дополнительной проверки устойчивости полученных результатов была оценена спецификация модели, в которой из перечня индикаторов исключена переменная уровня образования. Сравнение оценок показало, что направление и характер выявленных связей остается неизменным. Более того, рассчитанные диапазоны «оптимальных» при прочих равных временных значений («перегибы») расположены на сопоставимых уровнях.

В части сравнения результатов двух волн обследования необходимо обратить внимание на постоянство знаков коэффициентов при статистически значимых факторах. При этом по сравнению с результатами для 2024 года, в 2019 году точка вершины параболы для оплачиваемой занятости расположена выше (на уровне ~ 5,9 часа). К данному результату могло привести, например, распространение удаленного режима работы и гибкого графика (искажение границ между оплачиваемой занятостью и личным временем) в сочетании с ростом экономической нестабильности в 2024 году по сравнению с 2019 годом.

Точка минимума для такого вида деятельности, как уход за детьми, напротив, в 2019 году расположена ниже (на уровне ~ 4,6 часа). Как и в 2024 году, высокая вовлеченность в родительство ассоциируется с лучшими оценками благополучия, при этом есть издержки малой вовлеченности.

Переменные ведения домашнего хозяйства и досуга в 2019 году незначимы (значимы только квадраты данных временных регрессоров), а для количества часов сна зафиксирована перевернутая U-образная связь с точкой перегиба на уровне около 5 часов.

Показатели качества модели 2019 года ниже в сравнении с моделью 2024 года, однако по-прежнему позволяют говорить о хорошем соответствии модели данным.

Как было описано в части с описанием природы данных о распределении времени (2.3), для проверки согласованности результатов с основной спецификацией (в абсолютных величинах – часы), а также для интерпретации связей в терминах структуры распределения времени, дополнительно была построена модель с ALR-преобразованными временными регрессорами. Результаты оценки данной спецификации приведены в таблице №3. Количество наблюдений уменьшилось на 2 из-за нулевых значений в базовой активности.

Таблица 3. Результаты оценки модели MIMIC с преобразованными временными регрессорами, рабочий день

Индикаторы:	Факторные нагрузки
Оценка состояния здоровья (health)	0.723
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.255
Образование (education)	0.340
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)
Возраст (age)	-0.021*** (0.001)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000*** (0.000)
Пол (gender)	0.029*** (0.008)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.037*** (0.004)
Место проживания (territory)	0.148*** (0.007)
Семейное положение (marital_status)	0.067*** (0.008)
Время на оплачиваемую занятость относительно времени сна (alr_work)	0.078*** (0.002)
Время на ведение домашнего хозяйства относительно времени сна (alr_household)	0.02*** (0.003)
Время на неоплачиваемую занятость относительно времени сна (alr_unpaid)	-0.01*** (0.003)
Время на досуг относительно времени сна (alr_free)	0.006* (0.003)
Время на личную гигиену и уход за собой относительно времени сна (alr_basic_needs)	-0.03*** (0.007)
Уход за детьми (child) в абс. величинах	0.011*** (0.004)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.979
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.966
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.098
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.043
Количество наблюдений	63743

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением 2024 г.

Ввиду того, что переменные распределения времени были преобразованы с помощью ALR, интерпретация результатов будет следующей:

При статистической значимости и положительных значениях коэффициентов – увеличение времени, которое распределяется на i -ую активность относительно времени сна, связано с более высоким уровнем ненаблюдаемого благополучия.

При статистической значимости и отрицательных значениях коэффициентов – перераспределение времени в пользу *i*-ой активности за счет времени сна связано с более низким уровнем ненаблюдаемого благополучия.

Измерительная часть модели с преобразованными переменными полностью сохраняет свою структуру при сопоставлении с описанными выше моделями. Наибольший факторная нагрузка по-прежнему приходится на переменную самооценки состояния здоровья.

Связь относительного времени на оплачиваемую работу с благополучием статистически значима и положительна. Данный результат не противоречит полученному при построении моделей с использованием абсолютных временных регрессоров и подчеркивает роль оплачиваемой занятости.

Несмотря на менее выраженную величину коэффициента, выбор в пользу бытовых обязанностей и досуга за счет времени сна связан с более высоким уровнем ненаблюдаемого благополучия. А перераспределение времени сна на неоплачиваемую занятость, личную гигиену и уход за собой, напротив, ассоциируется с более низким его уровнем.

Переменная времени на уход за детьми, которая рассматривается в абсолютных величинах ввиду большого количества нулевых значений, положительно связана с уровнем благополучия. В данном случае также нет противоречия с базовой моделью: высокая вовлеченность родителей в воспитание детей связана с лучшими (при прочих равных) оценками благополучия. При этом напомним, что выявленная в базовой модели нелинейность (U-образная связь) указала дополнительно на наличие издержек недостаточной вовлеченности.

Таким образом, результаты оценки моделей позволяют подтвердить гипотезу о том, что измеренное в наших терминах благополучие устойчиво и статистически значимо связано с решениями, принимаемыми в отношении распределения времени на различные виды деятельности. Время как ресурс является фактором благополучия индивидов. Результаты моделирования с преобразованными

переменными позволили дополнить интерпретацию основной модели с учетом относительного перераспределения времени и были использованы для дополнительной проверки наличия связи.

3.2. Разновидности досуга в оценке благополучия

В базовой спецификации модели все виды досуговой активности объединены в один показатель, при этом различные формы проведения свободного времени (спорт, развитие, социальное взаимодействие, медиапотребление) могут быть по-разному связаны с благополучием индивидов. Как было показано в разделе 1.2, исследователи часто дифференцируют досуговые виды деятельности и выделяют характер связи с благополучием для каждого из типов проведения свободного времени (например, активный/социальный). В данном разделе для проверки описанных в литературе результатов реализован аналогичный подход.

Деятельность, связанная с досугом, была разделена на три категории. Описание видов деятельности, принадлежащих каждой из категорий приведены в таблице 4.

Оставшиеся виды деятельности также были объединены в 3 смысловых блока:

- Деятельность, связанная с получением дохода (все виды оплачиваемой занятости);
- Деятельность, связанная с ведением быта (ведение домашнего хозяйства, уход за детьми и неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования);
- Деятельность, связанная с восстановлением (сон, удовлетворение базовых потребностей, уход за собой).

Таблица 4. Описание видов деятельности для выделенных категорий свободного времени

Активные и развивающие формы досуга	Занятия спортом, выполнение физических упражнений, хобби, игры (за исключением компьютерных), чтение
Пассивные формы досуга	Отдых, релаксация, медиапотребление (просмотр телевизора, просмотр или прослушивание видео- и аудиоматериалов), поиск информации в интернете, компьютерные/консольные игры, игры на мобильном устройстве
Социальные формы досуга / досуг вне дома	Прогулки без цели, посещение мероприятий, социальное взаимодействие (разного рода общение с людьми, участие в общественных собраниях, отправление религиозных обрядов)

Одновременно были оценены модели на выборках рабочего и выходного дней (для обследования 2024 года), поскольку предполагается, что вовлеченность в досуг и разнообразие видов досуговой деятельности в выходные дни выше.

Результаты оценки соответствующих моделей приведены в приложении 5.

Наибольшая факторная нагрузка, как и в случае с описанными в п. 2.1. моделями, приходится на индикатор самооценки состояния здоровья для обеих выборок. Направление и характер выявленных связей также соотносится с базовой моделью, что еще раз подчеркивает устойчивость описанных результатов.

Вовлеченность в оплачиваемую занятость на уровне ~5-6 часов в рабочий день ассоциируется с более высоким уровнем благополучия, это полностью соответствует описанным выше результатам (перевернутая U-образная связь). При этом в выходной день характер связи оплачиваемой работы с оцененным благополучием линейный отрицательный.

Связь с распределением времени на восстановительные активности в рабочий день нелинейна с максимальным при прочих равных значением благополучия, которое достигается на уровне около 6–7 часов. В выходной день данная категория значимой не является.

Для группы видов деятельности, связанных с ведением быта, в рабочий день характер связи U-образный с точкой минимума на уровне $\sim 9,3$ часа. В выборке выходного дня значим только квадрат данной переменной (с отрицательным знаком).

Что касается форм проведения свободного времени, то результаты в целом подтверждают описанные в литературе связи. Так, увеличение времени на активные и развивающие формы досуга в рабочий и выходной дни ассоциируется с более высоким уровнем благополучия (в пределах $\sim 2,6$ часа и ~ 3 часов соответственно). Распределение времени на пассивные формы досуга (в т. ч. интернет/медиапотребление) отрицательно связано с ненаблюдаемой переменной как в рабочий, так и в выходной день. В отличие от результатов, полученных А. Нильссоном и соавторами [Nilsson и др., 2022], на данных о членах российских домохозяйств социальные формы досуга значимыми не являются.

Таким образом, можно подтвердить предположение о том, что характер проведения свободного времени имеет значение для благополучия индивидов.

3.3. Социально-демографическая дифференциация благополучия с учетом распределения времени

3.3.1. Связь распределения времени и уровня благополучия в разных возрастных группах

На разных стадиях жизненного цикла индивиды имеют различные социальные роли, что отражается в моделях поведения (т. е. распределении времени). В рамках исследования предполагается, что характер связи времени с благополучием в наших терминах меняется в зависимости от возраста.

Для выявления различий в оценке благополучия и роли распределения времени на различных жизненных этапах были проанализированы результаты построения модели базовой спецификации на выборках, разделенных по возрастным категориям (приложение 6). В данном разделе использованы данные о

распределении времени в рабочий день из обследования временных бюджетов домашних хозяйств 2024 года.

Для выборки, состоящей из молодых людей (20–40 лет), наибольшая факторная нагрузка (0,87) приходится на индикатор дохода - именно этот показатель имеет особое значение для измерения благополучия в молодом возрасте. «Значение» и «вклад» индикаторов в контексте факторных нагрузок означает степень, в которой рассматриваемый индикатор отражает разброс в уровне ненаблюдаемого благополучия. Данный результат подтверждает сформулированное выше предположение о том, что в молодом возрасте индивиды часто имеют меньшие проблемы со здоровьем (и, по-видимому, более однородные оценки состояния здоровья) по сравнению со старшими группами, что и отражается в структуре измерительной части благополучия.

В среднем возрасте (41–65 лет) величины факторных нагрузок сбалансированы, то есть по сравнению с молодым возрастом возрастает значимость человеческого капитала – образования и здоровья. В старшем возрасте (65+) на первый план выходит оценка состояния здоровья, а вклад материальной составляющей уменьшается.

В отношении социально-демографических характеристик необходимо обратить внимание на положительную связь оцененного благополучия с числом исполнившихся лет в молодом возрасте, и отрицательную связь с данным показателем в среднем возрасте. Кроме того, значение ненаблюдаемой переменной выше среди мужчин в группах 20–40 лет и 65+, а среди женщин – в группе 41 – 65 лет.

Что касается роли распределения времени, можно отметить ряд примечательных особенностей.

Роль оплачиваемой занятости с возрастом увеличивается: среди молодых людей переменная времени на оплачиваемую работу не является значимой (значим только квадратичный член), а в среднем и старшем возрасте связь перевернутая

U-образная. Точка максимума в среднем возрасте расположена на уровне $\sim 4,3$ часа, а в старшем – на уровне $\sim 6,3$ часа. Относительно высокое значение точки максимума в старшем возрасте можно объяснить тем, что в данном возрастном интервале на рынке труда остается небольшая доля индивидов, которые могут себе это позволить с точки зрения физических способностей.

В ведении домашнего хозяйства и неоплачиваемой занятости для собственного конечного использования отрицательные эффекты выражены в большей степени в среднем возрасте. Это можно интерпретировать как повышенную нагрузку, связанную с необходимостью совмещения рыночной и бытовой занятости в рассматриваемой возрастной группе, что в целом соотносится с представлением Дж. Гершуни [Gershuny, 2003]. В молодом и старшем возрастах связь оцененного благополучия с распределением времени на бытовые обязанности перевернутая U-образная (точки перегиба ~ 2 часа и $\sim 4,5$ часа соответственно), а в среднем – линейная отрицательная. Неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования нелинейно связана с ненаблюдаемой переменной в молодом и среднем возрастах - U-образный характер с точками минимума на уровне ~ 4 часов и $\sim 8,6$ часа соответственно, а для старших индивидов связь линейная отрицательная.

Переменная времени на уход за детьми незначима в старшем возрасте (когда собственные дети, как правило, взрослые), в то время как для молодого и среднего возрастов характер связи U-образный (точки минимума ~ 6 часов и $\sim 5,4$ часа соответственно). Различия в значениях точек минимума можно объяснить тем, что молодые индивиды склонны реализовывать свои матримониальные установки и заводить детей, которым требуется интенсивный уход в раннем возрасте. Предполагается, что в среднем возрасте, когда дети старше (или «первенцы» берут на себя часть бремени по уходу за младшими), потребность в интенсивном уходе может быть ниже, поэтому точка минимума выше. При этом в обеих возрастных группах недостаточная вовлеченность в уход за детьми ассоциируется в среднем с более низким уровнем благополучия.

Время на досуг положительно связано с оцененным благополучием молодых людей, а в среднем и старшем возрастах линейный член данного вида деятельности незначим. Время на сон отрицательно связано с латентным фактором во всех группах. Поскольку в терминах исследования мы не говорим о причинности, большое количество времени сна может быть связано с проблемами со здоровьем, депрессивными состояниями и пр., поэтому знаки коэффициентов при соответствующих регрессорах не являются неожиданными.

Модель для молодой возрастной группы отличается более низкими среди прочих показателями качества модели, что может говорить о более высокой неоднородности образа жизни и социально-демографических характеристик в данной возрастной группе.

Таким образом, оценка моделей для различных возрастных групп подтверждает предположение о различиях в структуре благополучия и характере его связи с распределением времени на разных стадиях жизненного цикла.

3.3.2. Уровень благополучия у мужчин и женщин в контексте индивидуального распределения суточного времени

Как и в случае с поведенческими особенностями каждой возрастной группы, модели распределения времени мужчин и женщин также существенно отличаются (показано в части с характеристиками выборок). Смещение исследовательского фокуса в сторону гендерных различий позволяет дополнить полученные результаты и выявить особенности связи времени и ненаблюдаемого благополучия для каждой из групп. То есть в данном разделе проверяется предположение о том, что характер связи времени и измеренного в наших терминах благополучия отличается у мужчин и женщин.

Результаты оценки соответствующих моделей на данных о распределении времени в рабочий день приведены в приложении 7.

Как и в основной модели, наибольшая факторная нагрузка и для мужчин, и для женщин приходится на переменную оценки здоровья. Возраст (в реалистичном

диапазоне) и размер домохозяйства отрицательно связаны с ненаблюдаемой переменной, а проживание в городской местности - положительно. Признак наличия зарегистрированного или незарегистрированного брака не является статистически значимым для мужчин, при этом для женщин данный статус является значимым положительным фактором благополучия.

Аналогично результатам основной модели, для представителей обоих полов характер связи благополучия с рыночной занятостью нелинейный – перевернутый U-образный. Максимальные при прочих равных значения благополучия достигаются на уровне занятости около 5,3 часа для мужчин и около 5,4 часа для женщин. То есть для индивидов мужского и женского пола чрезмерная занятость на рынке труда связана с более низким уровнем благополучия.

В большей степени гендерные различия выражены в таких видах деятельности, как уход за детьми и ведение домашнего хозяйства. Для мужчин занятость, связанная с ведением быта, не является значимым фактором, в то время как для женщин зафиксирована нелинейная U-образная связь с точкой минимума на уровне около 10 часов. Уход за детьми отрицательно связан с оцененным благополучием для мужчин, для женщин квадратичный член значим на 10% уровне.

Виды деятельности, связанные с неоплачиваемой занятостью для собственного конечного использования, нелинейно связаны с благополучием мужчин и женщин (U-образная связь). При этом точка минимума оцененного благополучия для мужчин существенно выше (около 11 часов у мужчин и примерно 7 часов у женщин). То есть для большинства мужчин в выборке характер связи отрицательный. Полученные различия можно объяснить спецификой неоплачиваемого труда. Предполагается, что мужчины чаще берут на себя физические виды работ (например, ремонтные работы/обслуживание транспортных средств), а женщины – альтернативные виды неоплачиваемой занятости (например, садово-огородные работы).

В отношении сна были получены ранее не зафиксированные результаты: для мужчин характер связи линейный отрицательный, а для женщин – обратный U-образный с точкой максимума на уровне около 5–6 часов.

Досуговые виды деятельности для женщин нелинейно связаны с оцененным благополучием с точкой максимума благополучия на уровне ~2,4 часа. Для мужчин линейный член данного вида активности не является статистически значимым (квадратичный член значим с отрицательным знаком). Увеличение временных затрат на личную гигиену и уход за собой ассоциируется с более низким уровнем благополучия мужчин, в то время как для женщин этот вид деятельности незначим (квадратичный член значим с отрицательным знаком).

Показатели качества построенных моделей уступают базовой спецификации, однако по-прежнему расположены в границах допустимого.

Общее сравнение оценок для мужчин и женщин позволяет предположить, что благополучие женщин связано в большей степени с балансом в распределении времени (связь почти со всеми временными переменными нелинейная), то есть компромиссом между работой и бытовой занятостью. Для мужчин, в свою очередь, виды деятельности, не относящиеся к оплачиваемой занятости, представляются в виде дополнительной нагрузки и ассоциируются с более низким уровнем благополучия. Это согласуется с традиционным представлением о социальной роли мужчин и женщин. При этом для представителей обоих полов чрезмерная занятость на рынке труда связана с более низким уровнем благополучия.

Таким образом, выявленные различия подчеркивают значимость учета гендерного фактора при характеристике связи распределения времени между разными видами активности с благополучием.

3.3.3. Связь распределения времени и уровня благополучия в многодетных семьях и семьях с одним родителем

Семьи с 3 и более детьми

Многодетные семьи являются уязвимой группой как с точки зрения риска бедности, так и с точки зрения дефицита времени [Калабихина и др., 2022, Овчарова, Прокофьева и др., 2009]. В диссертационном исследовании предполагается, что структура благополучия (величины факторных нагрузок при выбранных индикаторах) и характер связи измеренного уровня благополучия с временем в данном срезе отличается от общей выборки. Проверка этого предположения позволит получить представление о том, как особенности поведенческих моделей в семьях с 3 и более детьми связаны с благополучием, и определить факторы, связанные с более высоким и более низким уровнем благополучия в данных семьях.

Формирование среза данных осуществлялось с помощью переменной «Признак многодетной семьи», а также рассматривались индивиды, имеющие как минимум одного совместно проживающего ребенка до 15 лет.

В данной части акцент сделан на относительном перераспределении времени между видами деятельности, то есть используются преобразованные временные регрессоры (отношение времени на каждый из видов деятельности к времени на сон). Как было описано в части с методологией, подобная постановка вопроса позволяет характеризовать выявленные связи в терминах структуры времени, а не в терминах абсолютных временных затрат.

Результаты оценки модели приведены в приложении 8. Для рассматриваемого среза уровень образования является наиболее сильным индикатором благополучия (факторная нагрузка = 0,52), то есть различия между индивидами с принадлежностью к многодетным семьям в уровне благополучия отражаются в большей степени в различиях в их уровне образования. При этом переменная латентного благополучия меньше проявляется через оценки состояния здоровья. Данный результат показывает специфику рассматриваемого среза данных: самооценки здоровья у многодетных индивидов могут быть более однородными. Вероятно, для принадлежности к статусу «многодетной» семьи необходимо здоровье выше среднего уровня в выборке.

Для респондентов, отмеченных признаком многодетной семьи, увеличение времени на оплачиваемую занятость и досуг относительно сна связано с более высоким уровнем благополучия (значимость на 10% уровне). Вместе с тем перераспределение времени сна на ведение домашнего хозяйства и неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования, напротив, отрицательно связано с оцененным благополучием.

Примечательно, что доля времени на уход за детьми (относительно сна) не является значимым фактором для благополучия в многодетных семьях. В данном случае старшие дети могут брать на себя часть нагрузки по уходу за младшими, поэтому эффект для благополучия родителей может быть не столь выражен.

Возраст, принадлежность к женскому полу, количество детей до 15 лет (не включительно) и проживание в городе являются положительными факторами, а переменные количества членов домохозяйства и признака наличия зарегистрированного или незарегистрированного брака утратили значимость.

Таким образом, для благополучия в многодетных семьях повышенные временные затраты на ведение быта ассоциируются с более низким уровнем благополучия, а доходные и восстановительные виды деятельности – с более высоким.

Семьи с одним родителем

Семьи с одним родителем являются еще одной группой, которые наряду с многодетными являются уязвимыми с точки зрения дефицита времени. Рассмотрение данного среза позволяет выделить особенности связи благополучия со структурой распределения времени с учетом совмещения роли «кормильца» или «кормилицы» и родительских обязанностей (приложение 8).

Основная гипотеза при рассмотрении семей с одним родителем, как и в случае с многодетными семьями, состоит в том, что измерительная структура (величины факторных нагрузок) и характер связи с распределением времени отличается от общей выборки из всех индивидов.

Для выделения группы индивидов, подходящих под исследовательские задачи, была использована переменная «Признак неполной семьи» при наличии в домохозяйстве не менее чем одного совместно проживающего ребенка в возрасте до 15 лет.

В выборке семей с одним родителем наибольшая факторная нагрузка (0,55) приходится на индикатор дохода. Величина факторной нагрузки на переменную самооценки состояния здоровья ниже (0,15), то есть этот индикатор в случае с данной категорией семей меньше отражает различия в ненаблюдаемом благополучии. Это может быть связано с относительно невысоким разбросом в уровне здоровья внутри группы.

Как и в случае с многодетными семьями, возраст и проживание в городской местности являются положительными факторами. Однако в отличие от многодетных семей, в данном срезе мужчины в среднем имеют более высокие оценки благополучия. Переменная количества членов домохозяйства значимо отрицательно связана с ненаблюдаемой переменной, а признак наличия у индивида зарегистрированного или незарегистрированного брака – положительно.

Важным результатом является то, что увеличение количества совместно проживающих детей до 15 лет в семьях с одним родителем ассоциируется с более низким уровнем благополучия.

Выявленные связи с социально-демографическими переменными в целом соответствуют интуитивному представлению о связях в данной группе.

Перераспределение времени сна на оплачиваемую занятость, досуг, личную гигиену и уход за собой положительно связано с благополучием индивидов в домохозяйствах с признаком «неполная семья», а на ведение домашнего хозяйства – отрицательно. Время на неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования также отрицательно связано с благополучием. То есть дополнительная нагрузка, связанная с ведением быта и производством «для себя», в этом случае является отрицательным фактором.

Как и в многодетных семьях, относительное время на заботу о детях не является значимым фактором для респондентов из рассматриваемого среза.

Описанные результаты оценки моделей для многодетных семей и семей с одним родителем позволяют говорить о том, что перераспределение времени на деятельность, связанную с заработком и восстановительными активностями ассоциируется с более высоким уровнем благополучия, при этом относительное увеличение бремени по ведению домашнего хозяйства и неоплачиваемой работе «для себя» - с низким.

3.4. Уровень благополучия у мужчин и женщин в контексте распределения суточного времени между супругами

Семейные пары: роль распределения времени партнера

В теоретической части было показано, что существуют свидетельства наличия связи индивидуального благополучия с поведенческими моделями и занятостью партнера. В данном разделе это предположение будет проверено на российских данных. Более того, в отличие от описанных в литературе «точечных» результатов (по ограниченному количеству видов деятельности), в данной части будет рассмотрена вся структура распределения времени партеров.

Для проверки наличия связи между распорядком дня супругов и благополучием были построены модели на данных о семейных парах в рабочий день.

Из общего массива были отобраны данные о состоящих в зарегистрированном браке индивидах ($H01_04 = 1$), для которых доступна информация о партнере. Тип семейной единицы выбранных респондентов ($H01_11$) ограничен категориями «супружеская пара» (3) или «супружеская пара с детьми до 18 лет» (4). Формирование наборов данных о парах осуществлялось путем сопоставления граф «индивидуальный код супруга» ($H01_05$) и «индивидуальный код члена домохозяйства» ($H01_00$) при совпадении

идентификаторов домохозяйства (H00_06 и H00_02). Общее количество полученных после всех преобразований пар составило 14 683.

В перечень регрессоров для построения модели была включена переменная «Наличие детей в возрасте 0–14 лет» (0 – нет совместно проживающих детей до 15 лет, 3 – индивид имеет 3 и более совместно проживающих детей до 15 лет).

По сравнению с общей выборкой, а также крупными срезами данных по полу и возрасту, семейные пары, по-видимому, являются более однородной и структурированной по времени группой. Это может быть причиной усиления связи между отдельными регрессорами (например, ведение домашнего хозяйства и оплачиваемая работа). Более того, при переходе на уровень домохозяйств, особый интерес представляет изучение связи благополучия с изменениями в структуре времени (относительно базовой активности). В связи с этим наиболее подходящим под исследовательские цели представляется построение моделей не с абсолютными значениями временных затрат, а с ALR-преобразованными регрессорами. Кроме того, расчет относительных временных затрат позволил снизить корреляцию между выделенными выше видами деятельности.

Результаты оценки моделей для супругов приведены в приложении 9. Наибольшая факторная нагрузка в обоих случаях приходится на переменную самооценки состояния здоровья. Величины факторных нагрузок на доход и образование относительно постоянны, но выражены в меньшей степени.

Оцененные модели объединяют высокие значения RMSEA (небольшое превышение рекомендованного порога в 0,08). Но достаточно высокие CFI и TLI, а также низкие SRMR позволяют говорить о приемлемом соответствии моделей данным.

Для состоящих в зарегистрированном браке женщин увеличение доли времени на оплачиваемую занятость относительно сна связано с более высоким уровнем благополучия, а на ведение домашнего хозяйства и неоплачиваемую занятость для собственного конечного использования – с более низким. При такой

постановке вопроса бремя «двойной нагрузки» (на рынке труда и в домашнем хозяйстве) на жен ожидаемо отрицательно сказывается на их благополучии.

Относительное увеличение времени на уход за детьми связано с более низким уровнем ненаблюдаемой переменной, а на личную гигиену и уход за собой – с более высоким (значимость только на 10% уровне).

Перераспределение времени мужа в пользу оплачиваемой занятости положительно связано с благополучием жены, а в пользу неоплачиваемого труда для собственного конечного использования – отрицательно. Данный результат подтверждает выдвинутую гипотезу о связи благополучия с распорядком дня партнера. При этом в данном случае нельзя прокомментировать, как полученные результаты соотносятся с существующими исследованиями (в частности, Shafer и др., 2018) из-за рассмотрения не абсолютных временных затрат, а относительного распределения времени.

Выбор мужчины, состоящего в зарегистрированном браке, в пользу оплачиваемой занятости относительно сна положительно связан с благополучием. Это можно объяснить устремлениями к профессиональной реализации и материальной обеспеченности семьи. В отличие от женщин, оцененное благополучие мужчин в среднем ниже при относительном увеличении времени на личную гигиену и уход за собой. Время на уход за детьми для благополучия мужчин незначимо.

Примечательно, что положительная связь (хоть и менее выраженная по сравнению с оплачиваемой занятостью) наблюдается для таких видов деятельности, как ведение домашнего хозяйства и неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования. Данный результат можно интерпретировать как положительный эффект от участия в совместном ведении быта. То есть даже относительно небольшой рост вовлеченности мужа в указанные виды деятельности (как помощь супруге) положительно связан с его благополучием.

Чрезмерная нагрузка жен, напротив, отрицательно связана с благополучием мужей: увеличение времени жены на оплачиваемую работу и домашние обязанности (уход за детьми, бытовые обязанности) относительно сна ассоциируется с более низким уровнем благополучия мужчины. Иными словами, «переработка» жены на рынке труда и в домашнем хозяйстве является отрицательным фактором для благополучия мужа. При этом увеличение относительного времени жены на уход за собой и досуг ассоциируется с более высоким уровнем ненаблюдаемого благополучия супруга. Напомним, что в рамках настоящего исследования приводится характеристика связи, а не причинно-следственных эффектов. Поэтому подобный результат также может объясняться тем, что у мужчин с низким уровнем благополучия жены вынуждены брать на себя чрезмерную нагрузку.

Что касается базовых социально-демографических характеристик, количество членов домохозяйства не является значимым для супружеских пар. С возрастом оценки благополучия в среднем ниже, а проживание в городской местности положительно связано с зависимой переменной. Показатель наличия и количества совместно проживающих детей положительно связан с благополучием мужей (на любом приемлемом уровне значимости), а для жен данный фактор незначим.

Таким образом, рассматривая модели в совокупности, можно подтвердить гипотезу о том, что благополучие женщины в браке связано не только с ее собственной трудовой активностью, но и занятостью мужа. В то же время благополучие мужчины в браке в среднем ниже при чрезмерной загруженности жены на рынке труда и в домашнем хозяйстве.

Семейные пары: роль общей временной нагрузки в паре и различий в распределении времени между супругами

Модели с ALR-преобразованными временными регрессорами супругов дают представление о том, как на благополучии каждого из индивидов отражается

относительное перераспределение времени партнера. При этом подобная постановка вопроса не позволяет интерпретировать связь благополучия с общей загруженностью пары разными активностями, а также не учитывает различия между супругами в расходовании времени на виды деятельности. Поэтому дополнительное преобразование спецификации, т. е. смещение фокуса в сторону общей нагрузки и различий во времени между мужем и женой, представляется ценным дополнением к описанным выше результатам.

Так, в качестве регрессоров в преобразованной спецификации для семейных пар рассматриваются:

- Среднее время на i -ую активность в паре для семи основных видов деятельности (часы);
- Разница между временем мужа и жены на i -ую активность – для семи основных видов деятельности (часы).

Результаты оценки соответствующей спецификации приведены в приложении 9. Наибольшая факторная нагрузка для индивидов в паре по-прежнему сохраняется на переменной самооценки состояния здоровья. То есть общая структура измерительной части устойчива. Также, аналогично описанным выше результатам, для обоих партнеров в паре количество членов в домохозяйстве не является значимым, а проживание в городской местности и меньший возраст ассоциируется с более высоким уровнем благополучия. Для мужчин статистически значима и положительна связь ненаблюдаемого благополучия с количеством совместно проживающих детей до 15 лет, а для женщин переменная утрачивает значимость (соотносится с результатами спецификации с ALR-преобразованными временными переменными).

Среднее время на каждый из укрупненных видов деятельности, под которым понимается общая нагрузка на конкретную активность в паре, отрицательно связано с оцененным благополучием мужей и жен. Даже избыток досуговой активности ассоциируется с более низким уровнем благополучия. При этом

отрицательный эффект «общей временной перегрузки» (сила связи с уровнем благополучия) для мужчин особенно выражен в неоплачиваемой занятости и уходе за детьми, а у женщин – в ведении домашнего хозяйства и неоплачиваемой занятости для собственного конечного использования.

Отрицательное направление связи сохраняется и для разностей в распределении времени. Существенное превышение вовлеченности мужа по сравнению с активностью жены в каком-либо занятии ассоциируется с более низкими оценками благополучия обоих супругов. При этом более эгалитарное распределение времени внутри домохозяйства связано в среднем с более высоким уровнем благополучия для обоих партнеров. Этот результат соотносится с выводами, описанными зарубежными авторами [Khawaja и Habib, 2007, McCann и др., 2024].

Для мужчин разница в распределении времени в паре более значительна в таких видах деятельности, как сон, личная гигиена и уход за собой, досуг и ведение домашнего хозяйства. Для женщин переменная разности временных затрат на ведение домашнего хозяйства незначима.

Реализация описанного подхода позволяет расширить выводы относительно благополучия в семейных парах с учетом общего уровня загруженности и неравномерности распределения времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании впервые был описан и реализован новый подход к оценке ненаблюдаемого напрямую показателя благополучия на индивидуальном уровне с учетом информации о количестве и структуре использования времени. Оценка скрытой (латентной) переменной благополучия была осуществлена с помощью модели множественных индикаторов и множественных причин, где в качестве индикаторов конструкта рассматривалась «большая тройка благополучия» - уровень человеческого капитала (оценка состояния здоровья и уровень образования) и материальная составляющая (доход), а в качестве «причин» - структура использования суточного времени при контроле базовых социально-демографических характеристик индивидов. Несмотря на ограниченный перечень индикаторов, построенная конструкция позволяет получить более полное представление об индивидуальном благополучии по сравнению с традиционными одномерными оценками, основанными исключительно на показателе дохода.

Было показано, что для населения в целом оценки здоровья лучше всего отражают различия в уровне ненаблюдаемого благополучия. При этом нормированный доход и уровень образования являются стабильно значимыми и положительными индикаторами. В рамках агрегированной модели (на выборке из всех индивидов) была подтверждена гипотеза о наличии устойчивой и статистически значимой связи между уровнем благополучия и решениями, принимаемыми в отношении распределения времени. Включение в спецификацию квадратов временных переменных позволило выявить нелинейность связей показателя благополучия с распределением времени на отдельные виды деятельности, и определить временные диапазоны, которые в среднем ассоциируются с более высоким или низким его уровнем. Так, недостаток или избыток времени на оплачиваемую работу связан в среднем с более низким уровнем благополучия. При этом трудовая занятость в пределах 5–6 часов в рабочий день связана с максимальным при прочих равных значением

благополучия. Для времени на уход за детьми, напротив, характер связи U-образный, то есть данный вид активности требует значительных временных затрат (более 5,5 часов) для положительной связи с благополучием. Недостаточная вовлеченность в уход за детьми ассоциируется в среднем с более низким уровнем измеренного благополучия.

Сопоставление результатов для двух волн обследования бюджетов времени с шагом в 5 лет позволило отметить устойчивость выделенных связей.

Проведенное на российских данных исследование эмпирически подтвердило выводы зарубежных авторов о том, что для благополучия имеет значение не только количество, но и качество свободного времени. Активные формы досуга в пределах 2–3 часов в день ассоциируются с более высоким уровнем благополучия, а пассивные – с более низким вне зависимости от типа дня (выходной или рабочий).

Исследование различий в характере связи в зависимости от стадии жизненного цикла позволило выявить изменения роли индикаторов благополучия. В молодом возрасте различия в ненаблюдаемом конструкте выражены в большей степени через уровень доходов, в среднем возрасте возрастает значимость человеческого капитала, а в старшем - наибольшая факторная нагрузка приходится на переменную оценки здоровья. Более того, различия между возрастными группами проявляются также в характере связи с выделенными видами деятельности. Занятость, связанная с ведением быта, является отрицательным фактором благополучия в среднем возрасте, когда необходимость достижения баланса между рабочей и личной жизнью, по-видимому, наибольшая. Оценки благополучия для молодых родителей достигают минимума при расходовании на уход за детьми 5,5–6,5 часов в рабочий день. При этом высокая вовлеченность в родительство (начиная с 6,5 часов) связана с более высоким уровнем оцененного благополучия.

Гендерные спецификации модели показали, что для женщин благополучие связано с балансом в распределении времени, а для мужчин не относящиеся к

оплачиваемой работе виды занятости, по-видимому, выступают в роли дополнительной нагрузки и ассоциируются с более низким уровнем благополучия.

Тип семьи в рамках исследования является не только характеристикой условной уязвимости, но и важным контекстом, в рамках которого определяются свои особенности связи бюджетов времени с благополучием. Изучение срезов по признакам многодетных семей и семей с одним родителем позволило выделить различия одновременно в структуре благополучия и характере его связей с распределением времени на отдельные виды деятельности. В семьях с одним родителем различия в ненаблюдаемом конструкте сильнее всего отражаются в уровне дохода. А более высокое оцененное благополучие связано с перераспределением времени сна в пользу доходных и восстановительных видов деятельности. Рост нагрузки, связанной с ведением домашнего хозяйства относительно базовой активности, является отрицательным фактором благополучия. Связь с количеством совместно проживающих детей также отрицательная.

У индивидов из многодетных семей наибольшая факторная нагрузка приходится на уровень образования. И, несмотря на положительную связь с количеством совместно проживающих детей в возрасте до 15 лет, переменная относительного времени на их воспитание незначима. Данный результат можно связать с опущенной в рамках данной работы спецификой распределения времени всеми членами домохозяйства, в том числе распределения времени старших детей, которые могут брать на себя часть обязанностей по уходу за младшими. Как и в случае с неполными семьями, более высокие при прочих равных оценки благополучия связаны с выбором в пользу доходных и восстановительных видов деятельности относительно времени сна.

Анализ на уровне семейных пар подтвердил, что благополучие супругов связано не только с индивидуальными решениями о распределении времени, но и с поведенческими моделями партнера. Увеличение времени мужчины на доходные виды деятельности относительно времени сна положительно связано как с его

собственным уровнем благополучия, так и с благополучием его супруги. Для мужчин чрезмерная загруженность жены на рынке труда и в домашнем хозяйстве (в т. ч. ведение быта, уход за детьми) ассоциируется с более низким уровнем благополучия, а перераспределение времени супруги на восстановительные виды деятельности – с более высоким.

Дополнительно были исследованы роли общей временной загруженности разными видами деятельности в паре и степень выраженности различий в распределении времени между супругами. Переработки супругов на рынке труда и в домашнем хозяйстве, как и выраженные различия в их поведенческих стратегиях, ассоциируются с более низким уровнем благополучия. В то же время более эгалитарное распределение времени связано с высоким уровнем благополучия.

В рамках проведенного исследования все оценки интерпретируются как наличие/направление связи. Представленные выводы не являются доказательствами причинности, так как возможно взаимное влияние распределения времени и благополучия. С одной стороны, здоровый образ жизни (физическая активность, качественное восстановление) и сбалансированный распорядок дня (достижение баланса между рабочей и личной сферами) положительно влияют на благополучие индивидов. С другой стороны, состояние благополучия может отражаться в соответствующих изменениях образа жизни.

Реализация описанного подхода представляется содержательным вкладом в исследовательскую область. В работе показано, что благополучие важно оценивать в том числе с учетом распределения ограниченного временного ресурса. Более того, поскольку поведенческие модели в некоторой степени связаны с государственной политикой (через нормы рабочего времени, меры социальной поддержки семей с детьми, доступность детских садов и школ, распространенность трудосберегающих технологий и пр.) [Gershuny и Sullivan, 2003], обозначенные связи могут представлять интерес в том числе при формировании инициатив, направленных на повышение благополучия населения или отдельных его групп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1) Аникин В. А., Нагерняк М. А., Воронина Н. Д. Концепция благополучия в общественных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 6 (184).
- 2) Антипина О. Н., Миклашевская Н. А., Орлова Е. А. Критика макроэкономических индикаторов благосостояния и альтернативные подходы к его оценке // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2025. – № 1.
- 3) Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. – 2024. – № 3.
- 4) Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Легенда о гендере. Принципы распределения труда между супругами в современной городской семье // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – № 4.
- 5) Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам ; пер. с англ. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. — 415 с.
- 6) Воронина Н. Д., Михайлова Н. С., Нагерняк М. А., Овчарова Л.Н., Тер-Акопов С. А. Развитие комплексных подходов к измерению благополучия и качества жизни и учет показателей человеческого потенциала // Образовательная политика. – 2023. – № 3 (95). – С. 61–75.
- 7) Гармонично развитая и социально ответственная личность: концептуальные тезисы [Текст] : докл. Научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» / Л. Н. Овчарова, В. А. Аникин, В. А. Куренной, П. С. Сорокин, О. В. Ворон ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 46 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-7598-4103-6 (в обл.). — ISBN 978-5-7598-4074-9.

8) Епихина Ю. Б., Черныш М. Ф., Сушко П. Е., Шилова В. А., Лысухо А. С. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). – 2020. – № 1. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2020.1>

9) Жадан Н. Э. Становление теории экономики благосостояния в России // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2009. – № 2.

10) Журавлёв И. В. Развитие благосостояния домохозяйств в России: базовые категории исследования // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 5.

11) Калабихина И. Е., Башкирова К. Ю., Борисенко Я. А. Помогает ли гендерное равенство в благополучии многодетных семей? // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 5. – С. 77–96. DOI: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_77_96

12) Калабихина И. Е., Ребрей С. М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. – 2020. – №3.

13) Калабихина И. Е., Шамсутдинова В. Ш. Дважды бедные: кто испытывает дефицит времени и денег // Журнал исследований социальной политики. – 2023. – Т. 21, № 4.

14) Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки / пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 416 с.

15) Медведева Е. И., Ярашева А. В., Макар С. В. Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире // Дискуссия. – 2023. – Т. 117, № 2. – С. 14–28.

16) Милль Дж. С. Утилитаризм / Дж. С. Милль ; пер. с англ., предисл. А. С. Земерова. — Ростов-на-Дону : Донской издательский дом, 2013. — 240 с.

17) Овчарова Л. Н., Нагерняк М. А., Воронина Н. Д. Влияние технологий укрепления человека на благополучие и удовлетворенность жизнью // Укрепление человека в меняющемся мире: возможности, вызовы и риски : в 2 т. Т. 1:

Глобальный ландшафт исследований и перспективных разработок в области укрепления человека. – М. : Электронное изд-во «Эгитас», 2022. – С. 20–47.

18) Овчарова Л.Н., Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горина Е.А., Нагерняк М.А., Пишняк А.И. Социальная защита в России: развилки будущего // Вопросы экономики. – 2022. – № 8. – С. 5–31. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31>

19) Патрушев В. Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России // Социологические исследования. – 2003. – № 12.

20) Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. – 2001. – № 6.

21) Римашевская Н. М., Мигранова Л. А., Молчанова Е. В. Факторы, влияющие на состояние здоровья населения России // Народонаселение. – 2011. – № 1.

22) Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее : Коллективная монография / Л. Н. Овчарова, Л. М. Прокофьева, Е. М. Аврамова [и др.] ; Учреждение Российской академии наук Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН; под ред. Л.Н. Овчаровой и Л.М. Прокофьевой. – Москва : Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. – 274 с.

23) Социологические подходы к изучению социального благополучия : [монография] / Е. А. Авдеев, Э. Аллардт, Л. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. – 431 с. DOI: [10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-377-5.2021)

24) Терешкова, Н. А. Оценка уровня жизни в российских регионах путем расчета индекса благополучия // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 8. – С. 35-44.

25) Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего : [монография] / В. Н. Бобков, Т. Е. Бобкова [и др.] ; под ред. В. Н. Бобкова (отв. ред.), Н. В. Локтюхиной, Е. Ф. Шамаевой ; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2022. – 274 с. ISBN 978-5-89697-388-1 DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-388-1.2022.

26) Чуракова И. Ю. Бюджет времени населения: современный Российский и зарубежный опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2004. – №4.

27) Якина Л. А. Бюджет времени молодой семьи // Russian Journal of Education and Psychology. – 2010. – № 4.

28) Adena M., Hamermesh D., Myck M., Oczkowska M. Home Alone: Widows' Well-Being and Time // Journal of Happiness Studies. – 2023. – Vol. 24. – P. 813–838. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-023-00622-w>

29) Aguiar M., Hurst E. Measuring Trends in Leisure: The Allocation of Time over Five Decades // The Quarterly Journal of Economics. – 2007. – Vol. 122, № 3. – P. 969–1006. URL: <http://www.jstor.org/stable/25098866>

30) Aitchison J. The Statistical Analysis of Compositional Data // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Methodological). – 1982. – Vol. 44, № 2. – P. 139–160. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.2517-6161.1982.tb01195.x>

31) Alkire S., Foster J. Counting and multidimensional poverty measurement // Journal of Public Economics. – 2011. – Vol. 95, № 7-8. – P. 476–487. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>

32) Álvarez B., Miles-Touya D. Time Allocation and Women's Life Satisfaction: Evidence from Spain // Social Indicators Research. – 2016. – Vol. 129. – P. 1207–1230. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1159-3>

33) Bacon-Shone J. A Short History of Compositional Data Analysis // Pawlowsky-Glahn V., Buccianti A. (eds). Compositional Data Analysis. – Chichester: John Wiley & Sons, Ltd, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119976462.ch1>

- 34) Bashkirova K. Determinants of health of Russia's population based on daily time allocation data // Population and Economics. – 2024. – Vol. 8, № 2. – P. 1-18. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.8.e116960>
- 35) Baucells M., Sarin R. K. Happiness and Time Allocation. – UCLA: Decisions, Operations, and Technology Management, 2007. URL: <https://escholarship.org/uc/item/1fn1v5cv>
- 36) Bautista T. G., Roman G., Khan M., Lee M., Sahbaz S., Duthely L. M., Knippenberg A., Macias-Burgos M. A., Davidson A., Scaramutti C., Gabrilove J., Pusek S., Mehta D. Bredella M. What is well-being? A scoping review of the conceptual and operational definitions of occupational well-being // Journal of Clinical and Translational Science. – 2023. – Vol. 7, № 1. – e227. DOI: <https://doi.org/10.1017/cts.2023.648>
- 37) Becker G. S. A Theory of the Allocation of Time // The Economic Journal. – 1965. – Vol. 75, № 299. – P. 493–517. DOI: <https://doi.org/10.2307/2228949>
- 38) Becker G. S. A Treatise on the Family: Enlarged Edition. Harvard University Press, 1991. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv322v4rc>
- 39) Bird C. E. Gender, household labor, and psychological distress: The impact of the amount and division of housework // Journal of Health and Social Behavior. – 1999. – Vol. 40, № 1. – P. 32–45.
- 40) Bjørndal L. D., Nes R. B., Czajkowski N., Røysamb E. The structure of well-being: A single underlying factor with genetic and environmental influences // Quality of Life Research. – 2023. – Vol. 32. – P. 2805–2816. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11136-023-03437-7>
- 41) Blanchflower D. G. International Evidence on Well-Being : Working Paper № w14318. – National Bureau of Economic Research, 2008. DOI: <https://doi.org/10.3386/w14318>
- 42) Blanchflower D. G., Oswald A. J. Well-being over time in Britain and the USA // Journal of Public Economics. – 2004. – Vol. 88, № 7–8. – P. 1359–1386. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00168-8](https://doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00168-8)

- 43) Böhnke P. First European Quality of Life Survey: Life satisfaction, happiness and sense of belonging. – Berlin: Social Science Research Centre (WZB), 2005.
- 44) Boniwell I., Osin E. Beyond time management: time use, performance and well-being // *Organizational psychology*. – 2015. – Vol. 5. – P. 85-104.
- 45) Borga L., D'Ambrosio C., Lepinteur A. Economic Perspectives on Individual Well-being // Heinen A., Samuel R., Vögele C., Willems H. (eds). *Wohlbefinden und Gesundheit im Jugendalter*. – Wiesbaden: Springer VS, 2022. – P. 45-61. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-35744-3_4
- 46) Buehn A., Schneider F. MIMIC Models, Cointegration and Error Correction: An Application to the French Shadow Economy. IZA Discussion Paper. – 2008. – № 3306.
- 47) Burton P., Phipps S. Families, Time, and Well-Being in Canada // *Canadian Public Policy / Analyse de Politiques*. – 2011. – Vol. 37, № 3. – P. 395–423. URL: <http://www.jstor.org/stable/23050187>
- 48) Chaaban J., Irani A., Khoury A. The Composite Global Well-Being Index (CGWBI): A New Multi-Dimensional Measure of Human Development // *Social Indicators Research*. – 2016. – Vol. 129. – P. 465–487. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-1112-5>
- 49) Chang C., Gardiner J., Houang R., Yu Y. Comparing multiple statistical software for multiple-indicator, multiple-cause modeling: an application of gender disparity in adult cognitive functioning using MIDUS II dataset // *BMC Medical Research Methodology*. – 2020. – Vol. 20, № 275. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12874-020-01150-4>
- 50) Chowdhury O. H. Human Development Index: A Critique // *The Bangladesh Development Studies*. – 1991. – Vol. 19, № 3. – P. 125–127. URL: <http://www.jstor.org/stable/40795411>
- 51) Clark A. E., Kamesaka A., Tamura T. Rising aspirations dampen satisfaction // *Education Economics*. – 2015. – Vol. 23, № 5. – P. 515–531. DOI: <https://doi.org/10.1080/09645292.2015.1042960>

52) Cui D., Wei X., Wu D., Cui N., Nijkamp P. Leisure time and labor productivity: a new economic view rooted from sociological perspective // *Economics: The Open-Access, Open-Assessment E-Journal*. – 2019. – Vol. 13. DOI: <https://doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2019-36>

53) D'Acci L. Measuring Well-Being and Progress // *Social Indicators Research*. – 2011. – Vol. 104. – P. 47–65. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-010-9717-1>

54) Dahm P. C., Glomb T. M., Manchester C. F., Leroy S. Work–family conflict and self-discrepant time allocation at work // *Journal of Applied Psychology*. – 2015. – Vol. 100, № 3. – P. 767–792. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0038542>

55) Das K.V., Jones-Harrell C., Fan Y., Ramaswami A., Orlove B., Botchwey, N. Understanding subjective well-being: perspectives from psychology and public health // *Public Health Reviews*. – 2020. – Vol. 41. – № 25. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40985-020-00142-5>

56) DeSalvo K. B., Bloser N., Reynolds K., He J., Muntner P. Mortality prediction with a single general self-rated health question: A meta-analysis // *Journal of General Internal Medicine*. – 2006. – Vol. 21, № 3. – P. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1525-1497.2005.00291.x>

57) Dolan P., Peasgood T. Measuring Well-Being for Public Policy: Preferences or Experiences? // *The Journal of Legal Studies*. – 2008. – Vol. 37, № S2. – P. S5–S31. DOI: <https://doi.org/10.1086/595676>

58) Dolan P., Peasgood T., White M. Do we really know what makes us happy? A review of the economic literature on the factors associated with subjective well-being // *Journal of Economic Psychology*. – 2008. – Vol. 29, № 1. – P. 94–122. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joep.2007.09.001>

59) Easterlin R. A. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // David P. A., Reder M. W. (eds). *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramovitz*. – New York: Academic Press, 1974. – P. 89–125.

- 60) Field J. Good for your soul? Adult learning and mental well-being // *International Journal of Lifelong Education*. – 2009. – Vol. 28, № 2. – P. 175–191. DOI: <https://doi.org/10.1080/02601370902757034>
- 61) Filzmoser P., Hron K., Templ M. *Applied Compositional Data Analysis*. – Springer Cham. – 2018. – (Springer Series in Statistics). DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-96422-5>
- 62) Fleurbaey M. Beyond GDP: The quest for a measure of social welfare // *Journal of Economic Literature*. – 2009. – Vol. 47, № 4. – P. 1029–1075. URL: <https://www.jstor.org/stable/40651532>
- 63) Floro M. Economic Restructuring, Gender and the Allocation of Time // *World Development*. – 1995. – Vol. 23, № 11. – P. 1913–1929. DOI: [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(95\)00092-Q](https://doi.org/10.1016/0305-750X(95)00092-Q)
- 64) Fursman L. Parent's long work hours and the impact on family life // *Social Policy Journal of New Zealand*. – 2009. – Vol. 36.
- 65) García-Manglano J., Nollenberger N., Sevilla A. Gender, Time-Use, and Fertility Recovery in Industrialized Countries // Wright J. D. (ed.). *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. 2nd ed. Vol. 9. – Elsevier, 2015. – P. 775–780. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-097086-8.31104-7>
- 66) Gasper D. Subjective and Objective Well-Being in Relation to Economic Inputs: Puzzles and Responses // *Review of Social Economy*. – 2005. – Vol. 63, № 2. – P. 177–206. URL: <http://www.jstor.org/stable/29770304>
- 67) Gershuny J. *Time-Use Surveys and the Measurement of National Well-Being*. – Swansea: Centre for Time Use Research, University of Oxford, 2011.
- 68) Gershuny J. *Changing Times: Work and Leisure in Postindustrial Society*. – Oxford: Oxford University Press, 2000. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198287872.001.0001>
- 69) Gershuny J. Time, through the Lifecourse, in the Family : ISER Working Paper Series, No. 2003-03. – Colchester : University of Essex, Institute for Social and Economic Research (ISER), 2003.

70) Gershuny J., Harms T. A. Housework Now Takes Much Less Time: 85 Years of US Rural Women's Time Use // *Social Forces*. – 2016. – Vol. 95, № 2. – P. 503–524. DOI: <https://doi.org/10.1093/sf/sow073>

71) Gershuny J., Sullivan O. Time Use, Gender, and Public Policy Regimes // *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. – 2003. – Vol. 10, № 2. – P. 205–228. DOI: <https://doi.org/10.1093/sp/jxg012>

72) Gimenez-Nadal J.I., Sevilla A. Trends in time allocation: A cross-country analysis // *European Economic Review*. – 2012. – Vol. 56, № 6. – P. 1338–1359. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2012.02.011>

73) Giménez-Nadal J.I., Velilla J. Home-based work, time allocations, and subjective well-being: gender differences in the United Kingdom // *Empirica*. – 2024. – Vol. 51. – P. 1–33. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10663-023-09590-z>

74) Glass J., Fujimoto T. Housework, Paid Work, and Depression Among Husbands and Wives // *Journal of Health and Social Behavior*. – 1994. – Vol. 35, № 2. – P. 179–191. DOI: <https://doi.org/10.2307/2137364>

75) Greenacre M. *Compositional Data Analysis in Practice*. – 1st ed. Chapman and Hall/CRC, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1201/9780429455537>

76) Hawkins J. The Four Approaches to Measuring Wellbeing // Podger A., Trewin D. (eds). *Measuring and Promoting Wellbeing: How Important is Economic Growth?* – Canberra: ANU Press, 2014. – P. 191–208. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt6wp80q.11>

77) Helliwell J. F. *Life Satisfaction and Quality of Development* : Working Paper № w14507. – National Bureau of Economic Research, 2008.

78) Helliwell J. F., Barrington-Leigh C. P. Viewpoint: Measuring and understanding subjective well-being // *The Canadian Journal of Economics / Revue Canadienne d'Économie*. – 2010. – Vol. 43, № 3. – P. 729–753. URL: <http://www.jstor.org/stable/40800714>

79) Helms H. M., Walls J. K., Crouter A. C., McHale S. M. Provider role attitudes, marital satisfaction, role overload, and housework: a dyadic approach // *Journal of Family Psychology*. – 2010. – Vol. 24, № 5. – P. 568–577. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0020637>

80) Hiekel N., Kühn M. Lessons from the pandemic: Gender inequality in childcare and the emergence of a gender mental health gap among parents in Germany // *Demographic Research*. – 2024. – Vol. 51. – P. 49–80. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2024.51.3>

81) Hoang T. T. A., Knabe A. Time Use, Unemployment, and Well-Being: An Empirical Analysis Using British Time-Use Data // *Journal of Happiness Studies*. – 2021. – Vol. 22. – P. 2525–2548. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-020-00320-x>

82) Holly S., Mohnen A. Impact of Working Hours on Work-Life Balance // *SOEPpaper* № 465. – 2012. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2135453>

83) Idler E. L., Benyamini Y. Self-rated health and mortality: a review of twenty-seven community studies // *Journal of Health and Social Behavior*. – 1997. – Vol. 38, № 1. – P. 21–37.

84) Jalal Ahamed A.F.M. The Pursuit of Subjective Well-Being Through Financial Well-Being, Relationship Quality, and Spiritual Well-Being: A Configuration Approach with Fuzzy-Set Qualitative Comparative Analysis (fsQCA) // *Journal of Family and Economic Issues*. – 2024. – Vol. 46. – P. 784–801. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10834-024-09968-6>

85) Jewczak M., Korczak K. Measuring welfare with the use of the MIMIC approach: evidence for Poland // *GeoJournal*. – 2023. – Vol. 88. – P. 5109–5127. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10708-023-10910-w>

86) Jongbloed J. Higher education for happiness? Investigating the impact of education on the hedonic and eudaimonic well-being of Europeans // *European Educational Research Journal*. – 2018. – Vol. 17, № 5. – P. 733–754. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474904118770818>

87) Jöreskog K. G., Goldberger A. S. Estimation of a Model with Multiple Indicators and Multiple Causes of a Single Latent Variable // Journal of the American Statistical Association. – 1975. – Vol. 70, № 351a. – P. 631–639. DOI: <https://doi.org/10.1080/01621459.1975.10482485>

88) Juster F. T., Stafford F. P. The Allocation of Time: Empirical Findings, Behavioral Models, and Problems of Measurement // Journal of Economic Literature. – 1991. – Vol. 29, № 2. – P. 471–522. URL: <http://www.jstor.org/stable/2727521>

89) Jylhä M. What is self-rated health and why does it predict mortality? Towards a unified conceptual model // Social Science & Medicine. – 2009. – Vol. 69, № 3. – P. 307–316. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.05.013>

90) Kalenkoski C., Hamrick K. Time Poverty Thresholds in the USA // Michalos A.C. (eds). Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research. – Dordrecht: Springer, 2014. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-0753-5_3704

91) Kan M. Y., Hertog E., Kolpashnikova K. Housework share and fertility preference in four East Asian countries in 2006 and 2012 // Demographic Research. – 2019. – Vol. 41. – P. 1021–1046. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2019.41.35>

92) Kasser T., Sheldon K.M. Time Affluence as a Path toward Personal Happiness and Ethical Business Practice: Empirical Evidence from Four Studies // Journal of Business Ethics. – 2009. – Vol. 84, suppl. 2. – P. 243–255. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10551-008-9696-1>

93) Kekäläinen T., Freund A.M., Sipilä S. et al. Cross-Sectional and Longitudinal Associations between Leisure Time Physical Activity, Mental Well-Being and Subjective Health in Middle Adulthood // Applied Research in Quality of Life. – 2020. – Vol. 15. – P. 1099–1116. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-019-09721-4>

94) Khawaja M., Habib R. R. Husbands' involvement in housework and women's psychosocial health: findings from a population-based study in Lebanon // American Journal of Public Health. – 2007. – Vol. 97, № 5. – P. 860–866. DOI: <https://doi.org/10.2105/AJPH.2005.080374>

95) King M.F., Renó V.F., Novo E.M.L.M. The Concept, Dimensions and Methods of Assessment of Human Well-Being within a Socioecological Context: A Literature Review // *Social Indicators Research*. – 2014. – Vol. 116. – P. 681–698. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-013-0320-0>

96) Krishnakumar J. Going Beyond Functionings to Capabilities: An Econometric Model to Explain and Estimate Capabilities // *Journal of Human Development*. – 2007. – Vol. 8, №. 1. – P. 39–63. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649880601101408>

97) Krueger A. B., Kahneman D., Schkade D., Schwarz N., Stone A. A. National Time Accounting: The Currency of Life // Krueger A. B. (ed. et al.). *Measuring the Subjective Well-Being of Nations: National Accounts of Time Use and Well-Being*. – Chicago: University of Chicago Press, 2009. – Chap. 1. URL: <https://www.nber.org/books-and-chapters/measuring-subjective-well-being-nations-national-accounts-time-use-and-well-being/national-time-accounting-currency-life>

98) Kwarciński T., Ulman P., Wdowin J. Measuring Subjective Well-being Capability: A Multi-Country Empirical Analysis in Europe // *Applied Research in Quality of Life*. – 2024. – Vol. 19. – P. 2555–2593. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-024-10334-9>

99) Layard R., Clark A. E., Cornaglia F., Powdthavee N., Vernoit J. What Predicts a Successful Life? A Life-Course Model of Well-Being // *The Economic Journal*. – 2014. – Vol. 124, № 580. – P. F720–F738. DOI: <https://doi.org/10.1111/ecoj.12170>

100) Leocádio V., Verona A. P., Wajnman S. Exploring the association between gender equality in the family and fertility intentions: an explanation of the findings in low-fertility countries // *Genus*. – 2024. – Vol. 80, № 1. –26. DOI: <https://doi.org/10.1186/s41118-024-00234-z>

101) Liu S., Heshmati A. Relationship between education and well-being in China // *Journal of Social and Economic Development*. – 2023. – Vol. 25. – P. 123–151. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40847-022-00193-1>

102) Livingston V., Jackson-Nevels B., Reddy V. Social, Cultural, and Economic Determinants of Well-Being // Encyclopedia. – 2022. – Vol. 2, № 3. – P. 1183–1199. DOI: <https://doi.org/10.3390/encyclopedia2030079>

103) Maggino F. Subjective well-being and subjective aspects of well-being: methodology and theory // Rivista Internazionale Di Scienze Sociali. – 2015. – Vol. 123, № 1. – P. 89–121. URL: <http://www.jstor.org/stable/43830384>

104) Martinetti E. C. A multidimensional assessment of well-being based on Sen's functioning approach // Rivista Internazionale Di Scienze Sociali. – 2000. – Vol. 108, № 2. – P. 207–239. <http://www.jstor.org/stable/41634742>

105) Martinez Mendiola A., Cortina C. Leisure time and parenting in Europe: a more difficult equation for mothers? // Family Relations. – 2024. – Vol. 73, № 4. – P. 2823–2845. DOI: <https://doi.org/10.1111/fare.13017>

106) Martín-Fernández J.A., Barceló-Vidal C., Pawlowsky-Glahn V. Dealing with Zeros and Missing Values in Compositional Data Sets Using Nonparametric Imputation // Mathematical Geology. – 2003. – Vol. 35. – P. 253–278. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023866030544>

107) Martín-Fernández J.A., Palarea-Albaladejo J., Olea R.A. Dealing with Zeros // Pawlowsky-Glahn V., Buccianti A. (eds). Compositional Data Analysis. – 2011. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119976462.ch4>

108) McCann J. K., Freire S., de Oliveira C. V. R., Ochieng M., Jeong J. Father involvement is a protective factor for maternal mental health in Western Kenya // SSM – Mental Health. – 2024. – Vol. 5. – № 100318. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ssmmh.2024.100318>

109) Meier S., Stutzer A. Is Volunteering Rewarding in Itself? // Economica. – 2008. – Vol. 75, № 297. – P. 39–59. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2007.00597.x>

110) Merz J. Time and Economic Well-Being—A Panel Analysis of Desired versus Actual Working Hours // Review of Income and Wealth. – 2002. – Vol. 48, № 3. – P. 317–346. DOI: <https://doi.org/10.1111/1475-4991.00057>

111) Merz J., Rathjen T. Time And Income Poverty: An Interdependent Multidimensional Poverty Approach With German Time Use Diary Data // Review of Income and Wealth. – 2014. – Vol. 60, № 3. – P. 450–479. DOI: <https://doi.org/10.1111/roiw.12117>

112) Michalos A. C. Education, Happiness and Wellbeing // Social Indicators Research. – 2008. – Vol. 87, № 3. – P. 347–366. URL: <http://www.jstor.org/stable/27734669>

113) Mora T., Ferrer-i-Carbonell A. The job satisfaction gender gap among young recent university graduates: Evidence from Catalonia // The Journal of Socio-Economics. – 2009. – Vol. 38, № 4. – P. 581–589. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2009.02.003>

114) Murtin F., Zanobetti L. The Art of Living Well: Cultural Participation and Well-Being // Applied Research in Quality of Life. – 2024. – Vol. 19. – P. 1763–1790. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-024-10306-z>

115) Mutz M., Reimers A.K., Demetriou Y. Leisure Time Sports Activities and Life Satisfaction: Deeper Insights Based on a Representative Survey from Germany // Applied Research in Quality of Life. – 2021. – Vol. 16. – P. 2155–2171. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-020-09866-7>

116) Nikolaev B. Does Higher Education Increase Hedonic and Eudaimonic Happiness? // Journal of Happiness Studies. – 2018. – Vol. 19. – P. 483–504. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-016-9833-y>

117) Nilsson A., Hellryd E., Kjell O. Doing well-being: Self-reported activities are related to subjective well-being // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17, № 6. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0270503>

118) Nussbaum M. C. Creating Capabilities: The Human Development Approach. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2011.

119) OECD. How's Life?: Measuring Well-being. – Paris: OECD Publishing, 2011. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264121164-en>

120) Okun M., Stock W., Haring M., Witter R. The Social Activity/Subjective Well-Being Relation: A Quantitative Synthesis // Research on Aging. – 1984. – Vol. 6, № 1. – P. 45–65. DOI: <https://doi.org/10.1177/0164027584006001003>

121) Orehek E., Inagaki T. On the Benefits of Giving Social Support: When, Why, and How Support Providers Gain by Caring for Others // *Current Directions in Psychological Science*. – 2017. – Vol. 26, № 2. – P. 109–113.

122) Oreopoulos P., Salvanes K. G. Priceless: The Nonpecuniary Benefits of Schooling // *Journal of Economic Perspectives*. – 2011. – Vol. 25, № 1. – P. 159–184. DOI: <https://doi.org/10.1257/jep.25.1.159>

123) Palarea-Albaladejo J., Martín-Fernández J.A. ZCompositions — R package for multivariate imputation of left-censored data under a compositional approach // *Chemometrics and Intelligent Laboratory Systems*. – 2015. – Vol. 143. – P. 85–96. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chemolab.2015.02.019>

124) Posey C., Roberts T. L., Lowry P. B., Bennett R. J. Multiple Indicators and Multiple Causes (MIMIC) Models as a Mixed-Modeling Technique: A Tutorial and an Annotated Example // *Communications of the Association for Information Systems*. – 2015. – Vol. 36, № 11. – P. 193–214. DOI: <https://doi.org/10.17705/1CAIS.03611>

125) Rahman T., Mittelhammer R. C., Wandschneider P. R. A latent variable MIMIC approach to inferring the quality of life // *Proceedings of the 2004 Annual Meeting of the American Agricultural Economics Association*. – Denver, CO, 2004.

126) Rebrey S. M. Involved fatherhood in Russia. // *Population and Economics*. – 2023. – T. 7, № 3. P. 48–69.

127) Rosseel Y. lavaan: An R Package for Structural Equation Modeling // *Journal of Statistical Software*. – 2012. – Vol. 48, № 2. – P. 1–36. DOI: <https://doi.org/10.18637/jss.v048.i02>

128) Ruggeri K., Garcia-Garzon E., Maguire Á., Matz, S., Huppert, F. A. Well-being is more than happiness and life satisfaction: a multidimensional analysis of 21 countries // *Health and Quality of Life Outcomes*. – 2020. – Vol. 18. – P. 1–192. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>

129) Rutskiy V. N., Salguero García D., Denisova E., Fukalyak A., Okashev, N., Devederkin, I., Bystrova, N., Eliseeva, E., Tsarev, R. Modeling the Well-Being of the Population and Its Factors Using the Well-Being Index // Silhavy R., Silhavy P. (eds). *Networks and systems in cybernetics: CSOC 2023. Lecture Notes in Networks and*

Systems. Vol. 723. Springer, Cham. – 2023. – P. 605–614. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-35317-8_55

130) Sacks D. W., Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-Being, Income, Economic Development and Growth : Working Paper No 16441. – National Bureau of Economic Research, 2010. DOI: <https://doi.org/10.3386/w16441>

131) Salinas Jiménez M., Artés J., Salinas-Jiménez J. How do educational attainment and occupational and wage-earner statuses affect life satisfaction? A gender perspective study // Journal of Happiness Studies. – 2012. – Vol. 14. – P. 367–388. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10902-012-9334-6>

132) Sen A. The concept of development // Handbook of Development Economics. Vol. 1. – Elsevier, 1988. – P. 9–26. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1573-4471\(88\)01004-6](https://doi.org/10.1016/S1573-4471(88)01004-6)

133) Sen A. The welfare basis of real income comparisons: A survey // Journal of Economic Literature. – 1979. – Vol. 17, № 1. – P. 1–45. URL: <http://www.jstor.org/stable/2723639>

134) Shafer E. F., Kelly E. L., Buxton O. M., Berkman L. F. Partners' overwork and individuals' wellbeing and experienced relationship quality // Community, Work & Family. – 2018. – Vol. 21, № 4. – P. 410–428. DOI: <https://doi.org/10.1080/13668803.2017.1311839>

135) Shao Q. Does less working time improve life satisfaction? Evidence from European Social Survey // Health Economics Review. – 2022. – Vol. 12. –50. DOI: <https://doi.org/10.1186/s13561-022-00396-6>

136) Sheldon K. M., Cummins R., Kamble S. Life balance and well-being: testing a novel conceptual and measurement approach // Journal of Personality. – 2010. – Vol. 78, № 4. – P. 1093–1134. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00644.x>

137) Stevenson B., Wolfers J. Subjective Well-Being and Income: Is There Any Evidence of Satiation? // American Economic Review. – 2013. – Vol. 103, № 3. – P. 598–604. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.103.3.598>

138) Stiglitz J. E., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. – 2009.

139) Stolarski M., Wiberg B., Osin E. Assessing Temporal Harmony: The Issue of a Balanced Time Perspective In: Stolarski, M., Fioulaine, N., van Beek, W. (eds) Time Perspective Theory; Review, Research and Application. Springer, Cham – 2015. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-07368-2_3

140) Stutzer A. The Role of Income Aspirations in Individual Happiness : Zurich IEER Working Paper № 124. – 2003. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.375961>

141) Stutzer A., Frey B. S. Does marriage make people happy, or do happy people get married? // The Journal of Socio-Economics. – 2006. – Vol. 35, № 2. – P. 326–347. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socec.2005.11.043>

142) Stutzer A., Frey B. S. Recent developments in the economics of happiness: A selective overview : IZA Discussion Paper № 7078. – Institute of Labor Economics (IZA), 2012.

143) Suleiman A. O., Decker R. E., Garza J. L. et al. Worker perspectives on the impact of non-standard workdays on worker and family well-being: A qualitative study // BMC Public Health. – 2021. – Vol. 21, № 2230. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-021-12265-8>

144) Sullivan O., Gershuny J. Change in Spousal Human Capital and Housework: A Longitudinal Analysis // European Sociological Review. – 2016. – Vol. 32, № 6. – P. 864–880. DOI: <https://doi.org/10.1093/esr/jcw043>

145) Sumner A. Economic Well-being and Non-economic Well-being: A Review of the Meaning and Measurement of Poverty // World Institute for Development Economic Research (UNU-WIDER). – 2004. – WIDER Research Paper, № 2004/30

146) Van den Boogaart K. G., Tolosana-Delgado R. Analyzing Compositional Data with R. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2013. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-642-36809-7>

147) van Praag B. M. S., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2003. – Vol. 51, № 1. – P. 29–49. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0167-2681\(02\)00140-3](https://doi.org/10.1016/S0167-2681(02)00140-3)

148) Veenhoven R. Developments in satisfaction-research // Social Indicators Research. – 1996. – Vol. 37. – P. 1–46. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00300268>

149) Velleman J. D. Well-Being and Time // Beyond Price: Essays on Birth and Death. – Open Book Publishers, 2015. – P. 141–174. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt17w8gwg.9>

150) Voßemer J., Baranowska-Rataj A., Heyne S., Loter K. Partner's unemployment and subjective well-being: The mediating role of relationship functioning // Advances in Life Course Research. – 2024. – Vol. 60. – № 100606. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2024.100606>

151) Voukelatou V., Gabrielli L., Miliou I., Cresci S., Sharma R., Tesconi M., Pappalardo L. Measuring objective and subjective well-being: Dimensions and data sources // International Journal of Data Science and Analytics. – 2021. – Vol. 11. – P. 279–309. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41060-020-00224-2>

152) Wajcman J., Bittman M. The Rush Hour: The Character of Leisure Time and Gender Equity // Social Forces. – 2000. – Vol. 79, № 1. – P. 165–189. DOI: <https://doi.org/10.2307/2675568>

153) Wang P., Wei X., Yingwei X. et al. The Impact of Residents' Leisure Time Allocation Mode on Individual Subjective Well-being: The Case of China // Applied Research in Quality of Life. – 2022. – Vol. 17. – P. 1831–1866. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-021-10003-1>

154) Wei X., Qu H., Ma E. How Does Leisure Time Affect Production Efficiency? Evidence from China, Japan, and the US // Social Indicators Research. – 2016. – Vol. 127. – P. 101–122. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0962-1>

155) Weston G., Zilanawala A., Webb E. et al. Work hours, weekend working, nonstandard work schedules and sleep quantity and quality: findings from the UK household longitudinal study // BMC Public Health. – 2024. – Vol. 24, № 309. DOI: <https://doi.org/10.1186/s12889-024-17762-0>

156) Wilson Fadiji A., Lomas T. Understanding the Association Between Education and Wellbeing: An Exploration of the Gallup World Poll // Applied Research in Quality of Life. – 2024. – Vol. 19. – P. 2467–2501. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11482-024-10335-8>

157) World Bank. World Development Report 1980. – Washington, DC: Oxford University Press, 1980.

158) Yamaguchi S., Oshima H. Analysis of the Relationship Between Residential Environment and Multifaceted Well-Being // International Journal of Community Well-Being. – 2024. – Vol. 7. – P. 467–489. DOI: <https://doi.org/10.1007/s42413-024-00219-y>

159) Yang L. Measuring Well-being: A Multidimensional Index Integrating Subjective Well-being and Preferences // Journal of Human Development and Capabilities. – 2018. – Vol. 19, № 4. – P. 456–476. DOI: <https://doi.org/10.1080/19452829.2018.1474859>

160) Zwierzchowski J., Panek T. Measurement of Subjective Well-being under Capability Approach in Poland // Polish Sociological Review. – 2020. – Vol. 210, № 2. – P. 157–178. DOI: <https://doi.org/10.26412/psr210.02>

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Описание укрупненных категорий видов деятельности

Для набора данных 2019 года

<p>Оплачиваемая занятость К_110 - К_150 К_170 - К_181</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Работа в корпорациях, органах государственного управления и некоммерческих организациях • Выращивание сельскохозяйственных культур на домашних предприятиях для реализации на рынке • Разведение животных на домашних предприятиях для реализации на рынке • Лесоводство и лесозаготовки на домашних предприятиях для реализации на рынке • Ловля рыбы на домашних предприятиях для реализации на рынке • Аквакультура на домашних предприятиях для реализации на рынке • Подземная и открытая разработка полезных ископаемых на домашних предприятиях для реализации на рынке • Производство и переработка продукции на домашних предприятиях для реализации на рынке • Строительная деятельность на домашних предприятиях, ориентированная на рынок • Другие виды деятельности, связанные с работой на домашних предприятиях с целью производства товаров • Продажа и торговля товарами на домашних предприятиях • Оказание оплачиваемых услуг по ремонту, установке, техническому обслуживанию и утилизации в домашних хозяйствах и на домашних предприятиях • Оказание оплачиваемых деловых и профессиональных услуг в домашних хозяйствах и на домашних предприятиях • Перевозка товаров и пассажиров за плату или прибыль в домашних хозяйствах и на домашних предприятиях • Оказание оплачиваемых услуг в области личной гигиены в домашних хозяйствах и на домашних предприятиях • Оказание оплачиваемых бытовых услуг • Другие виды деятельности, связанные с работой в домашних хозяйствах и на домашних предприятиях с целью оказания услуг • Вспомогательные виды деятельности • Перерывы на работе в рабочее время • Профессиональная подготовка и обучение в связи с работой • Создание предприятия • Передвижения, связанные с работой
<p>Неоплачиваемая занятость для</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Выращивание сельскохозяйственных и огородных культур для собственного конечного использования

<p>собственного конечного использования К_211 – К_242 К_331 - К_339</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Разведение животных на фермах и производство животноводческой продукции для собственного конечного использования • Охота, ловля дичи и выделка шкур диких животных для собственного конечного использования • Лесоводство и лесозаготовки для собственного конечного использования • Заготовка даров природы для собственного конечного использования • Ловля рыбы для собственного конечного использования • Аквакультура для собственного конечного использования • Подземная и открытая разработка полезных ископаемых для собственного конечного использования • Производство и переработка пищевых продуктов, напитков и табачных изделий для собственного конечного использования • Производство и обработка текстильных изделий, одежды, обуви, изделий из кожи и сопутствующей продукции для собственного конечного использования • Производство и обработка изделий из древесины и коры для собственного конечного использования • Производство и обработка кирпичей, бетонных плит, пустотелых блоков, керамической плитки для собственного конечного использования • Производство и обработка лекарственных растительных продуктов и медицинских препаратов для собственного конечного использования • Производство и переработка металлов и металлоизделий для собственного конечного использования • Производство и обработка изделий из других материалов для собственного конечного использования • Приобретение материалов, реализация произведенной продукции и другие виды деятельности, связанные с производством (изготовлением) и обработкой продукции для собственного конечного использования • Строительство для собственного конечного использования • Сбор топливной древесины и других природных материалов, используемых как топливо, для собственного конечного использования • Добыча воды из природных и других источников для собственного конечного использования • Перестройка, содержание и ремонт жилья собственными силами • Установка, обслуживание и ремонт личных вещей и предметов домашнего обихода, включая оргтехнику • Обслуживание и мелкий ремонт транспортных средств • Другие виды деятельности, связанные с самостоятельно выполняемой работой по украшению, обслуживанию и ремонту
---	--

<p>Ведение домашнего хозяйства К_311 – К_329 К_341 – К_372 К_390</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Приготовление еды/легких закусок • Подача еды/легких закусок • Уборка после приготовления и приема еды/легких закусок • Хранение, размещение и консервирование съестных припасов • Другие виды деятельности, связанные с организацией питания и приготовлением пищи • Уборка помещений • Уборка окружающей территории • Переработка и удаление мусора • Уход за комнатными растениями/растениями открытого грунта, живыми изгородями, садом, прилегающей территорией, ландшафтом и т.д. • Присмотр за печами, котлами и каминами для отопления и водоснабжения • Другие виды деятельности, связанные с уборкой и содержанием жилья и окружающей территории • Ручная и машинная стирка • Сушка, развешивание и занесение выстиранного в помещение • Глажка утюгом/в гладильном прессе и складывание выглаженного • Починка/ремонт и уход за одеждой/обувью; чистка и натирание обуви кремом • Другие виды деятельности, связанные с уходом за текстильными изделиями и обувью • Оплата счетов домохозяйства • Обязанности и виды деятельности в домашнем хозяйстве, связанные с составлением бюджета, организацией и планированием • Другие виды деятельности, связанные с работой по ведению домашнего хозяйства • Ежедневный уход за домашними питомцами • Получение ветеринарной помощи или других услуг по уходу за домашними питомцами (уход за шерстью, содержание в конюшне, уход по выходным и праздникам или в дневное время) • Другие виды деятельности, связанные с уходом за домашними питомцами • Поиск и приобретение товаров, и смежные виды деятельности • Поиск и получение услуг, и смежные виды деятельности • Прочие неоплачиваемые бытовые услуги, оказываемые членам домохозяйства и семьи
<p>Уход за детьми К_411 – К_419 К_442</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Уход за детьми, включая обеспечение питания, мытье, физический уход • Медицинский уход за детьми • Воспитание, обучение, подготовка детей и помощь детям • Разговоры с детьми и чтение детям • Игры и занятия спортом с детьми

	<ul style="list-style-type: none"> • Присмотр за детьми (пассивный уход) • Встречи и достижение договоренностей со школами и поставщиками услуг по уходу за детьми • Другие виды деятельности, связанные с уходом за детьми и воспитанием детей • Сопровождение собственных детей
Сон К_911 - К_912 К_919	<ul style="list-style-type: none"> • Ночной сон/основной сон • Короткий сон/дрёма • Другие виды деятельности, связанные со сном
Личная гигиена и уход К_921 - К_949 К_990	<ul style="list-style-type: none"> • Прием пищи/легкая закуска • Питье отдельно от приема пищи или легкой закуски • Личная гигиена и уход за собой • Уход за собственным здоровьем/медицинский уход за собой • Другие виды деятельности, связанные с личной гигиеной и уходом за собой • Получение услуг по уходу за собой со стороны • Получение услуг по уходу за здоровьем/медицинскому уходу со стороны • Другие виды деятельности, связанные с получением услуг по уходу за собой, уходу за здоровьем/медицинскому уходу • Другие виды деятельности по уходу за собой
Досуг К_790 – К_850 К_711 – К_749	<ul style="list-style-type: none"> • Обсуждения, разговоры, беседы • Общение и встречи с людьми, деятельность по организации собраний людей • Чтение и составление почтовых сообщений (включая электронные) • Другие виды деятельности, связанные с общением и взаимодействием с людьми • Участие в общественных торжествах, посвященных культурным/историческим событиям • Участие в общественных ритуалах/мероприятиях нерелигиозного характера, связанных со свадьбами, похоронами и рожденьями, а также в аналогичных обрядах • «Участие в общественных социальных мероприятиях (музыка, танцы и т.д.)» • Другие виды деятельности, связанные с участием в общественной жизни • Участие в исполнении гражданских и связанных с ними обязанностей • Уединенная молитва, медитация и другие виды духовной деятельности • Участие в коллективном отправлении религиозного культа • Другие виды деятельности, связанные с отправлением религиозного культа

	<ul style="list-style-type: none">• Другие виды деятельности, связанные с общением и взаимодействием с людьми, участием в общественной жизни и отправлением религиозного культа• Посещение организованных/массовых культурных мероприятий и выставок• Посещение парков/садов• Посещение спортивных мероприятий• Другие виды деятельности, связанные с посещением культурных, развлекательных и спортивных мероприятий• Изобразительное, литературное и исполнительское искусство (в качестве хобби)• Хобби• Игры и другие виды досуга• Другие виды деятельности, связанные с участием в культурной жизни, хобби и играми• Занятия спортом• Выполнение физических упражнений• Чтение в качестве отдыха• Просмотр/прослушивание телевизионных передач и видеозаписей• Прослушивание радиопрограмм и аудиозаписей с помощью звуковоспроизводящей аппаратуры• Другие виды деятельности, связанные с использованием средств массовой информации• Виды деятельности, связанные с размышлением, отдыхом и релаксацией
--	---

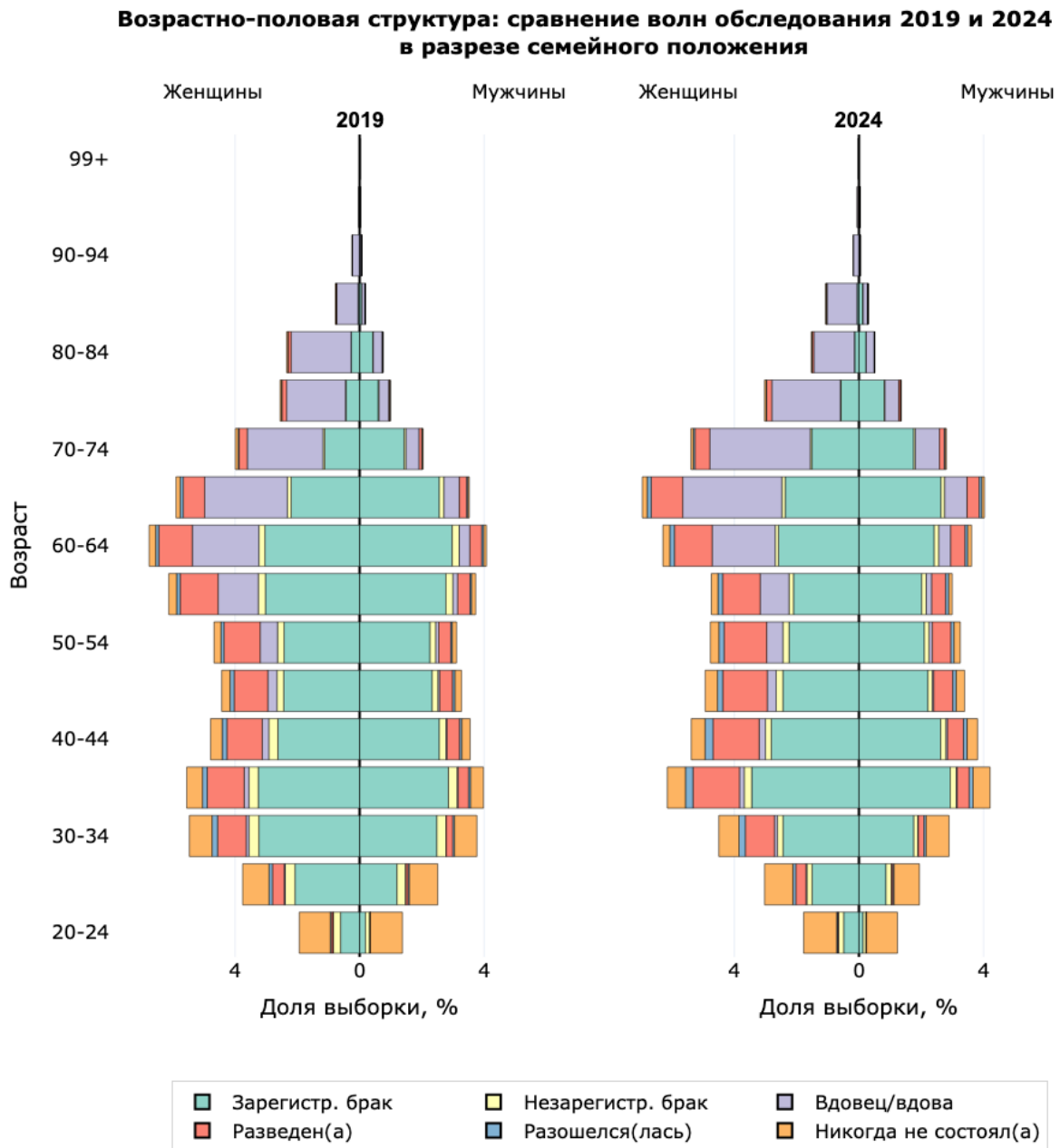
Для набора данных 2024 года

Сон К_101	<ul style="list-style-type: none"> • Сон
Личная гигиена и уход К_201 - К_206	<ul style="list-style-type: none"> • Потребление пищи и напитков • Личная гигиена и самостоятельный уход за собой • Самостоятельный уход за собственным здоровьем/медицинский уход за собой • Получение услуг по уходу за собой и своим внешним видом со стороны • Получение услуг по уходу за здоровьем/медицинскому уходу со стороны • Другие/неуточненные виды ухода за собой, за собственным здоровьем, медицинский уход
Оплачиваемая занятость К_301, К_303-К_305	<ul style="list-style-type: none"> • Время, проведенное на работе (включая короткие перерывы и поездки по работе) • Другие/неуточненные виды деятельности, связанные с занятостью • Профессиональная подготовка и обучение в связи с работой • Выполнение разовой, случайной оплачиваемой работы, подработка
Ведение домашнего хозяйства К_501 - К_504 К_601 - К_606 К_505 К_704 К_901 - К_903	<ul style="list-style-type: none"> • Приготовление и тепловая обработка продуктов питания • Уборка после приготовления и приема еды/легких закусок • Хранение, приведение в порядок запасов продуктов питания • Уборка жилища • Стирка • Глажка • Водоснабжение и отопление жилища • Приведение в порядок домашней утвари и материалов • Уход за комнатными растениями, уборка сада, окружающей территории • Переработка и вынос мусора • Выгуливание/уход за домашними питомцами • Другие или неуточненные виды ухода за изделиями из ткани или обувью • Покупки (в том числе по интернету) • Поиск и получение коммерческих услуг, услуг от административных учреждений и смежные виды деятельности • Ведение и управление домашним хозяйством
Неоплачиваемая занятость для собственного конечного использования К_701 - К_705 К_801 - К_805	<ul style="list-style-type: none"> • Садово-огородные работы • Уход за домашним скотом, птицей и др. • Охота, рыболовство, сбор ягод, грибов или растений, лесоводство • Другие или неуточненные виды садово-огородных работ, лесоводства и ухода за домашними животными • Строительство и капитальный ремонт дома • Текущий ремонт жилища

	<ul style="list-style-type: none"> • Установка, обслуживание и ремонт предметов домашнего обихода, включая оргтехнику • Обслуживание и мелкий ремонт транспортных средств • Производство и обработка продукции для собственного конечного использования
<p>Уход за детьми K_1001 - K_1005 K_1204</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Уход за детьми, включая обеспечение питания, мытье, физический уход, медицинский уход за детьми • Обучение ребенка • Чтение, игры и разговоры с ребенком • Сопровождение ребенка • Присмотр за детьми (пассивный уход), другие или неуточненные виды ухода за детьми • Уход за своими детьми, проживающими в другом домохозяйстве
<p>Досуг K_1301 - K_1311 K_1401 K_1501 - K_1505 K_1601 - K_1603 K_1701 - K_1704 K_1801 - K_1804</p>	<ul style="list-style-type: none"> • Общение с членами домохозяйства • Личные встречи и общение с родственниками, друзьями, знакомыми • Общение через системы аудио- и видеосвязи • Обмен текстовыми сообщениями, общение в социальных и профессиональных сетях • Совместное отмечание торжественных событий • Участие в похоронах, годовщинах по случаю смерти, посещение кладбища и уход за могилами • Участие в общественных торжествах, посвященных культурным/историческим событиям • Другие виды деятельности, связанные с общением и взаимодействием с людьми • Участие в общественных собраниях • Участие в исполнении гражданских и связанных с ними обязанностей • Отправление религиозных обрядов • Программирование и другие продуктивные занятия, связанные с использованием компьютера (если это не связано с занятостью) • Посещение культурно-развлекательных и спортивных мероприятий/объектов • Занятия спортом • Выполнение физических упражнений • Деятельность, связанная со спортом • Отдых и виды деятельности, связанные с размышлением, отдыхом и релаксацией • Прогулки без цели • Хобби • Игры (за исключением компьютерных и консольных) • Поиск увлекательной информации в Интернете • Компьютерные игры

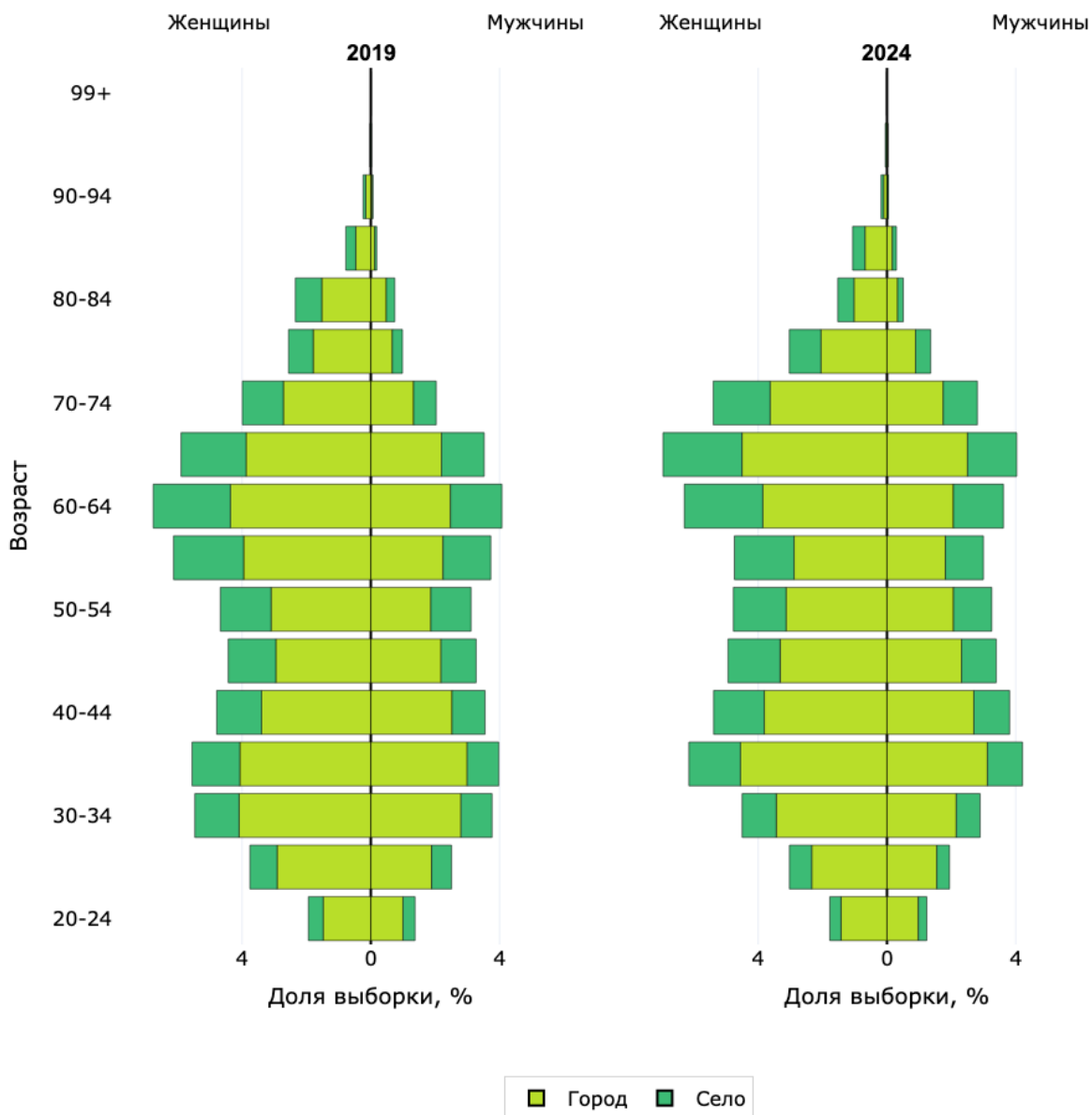
	<ul style="list-style-type: none">• Игры на мобильных устройствах (карманных устройствах/смартфонах)• Консольные игры (на домашних игровых приставках)• Чтение периодики. Чтение в качестве отдыха.• Чтение книг• Просмотр телепередач, видеоматериалов или DVD• Прослушивание радиопередач или аудиозаписей
--	---

Приложение 2. Возрастно-половая структура наборов данных в разрезе ключевых характеристик

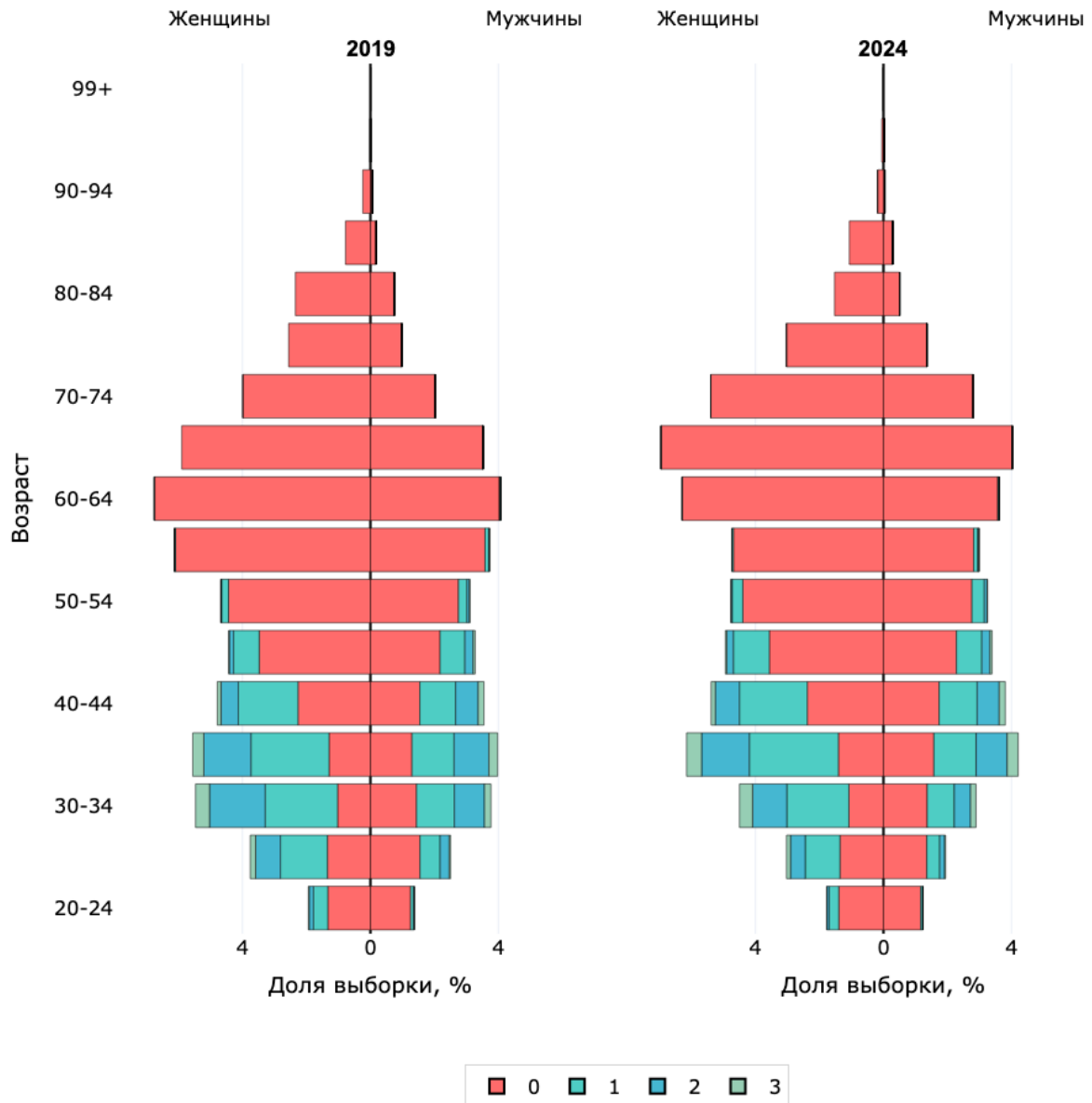
Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2019, 2024 гг.

**Возрастно-половая структура: сравнение волн обследования 2019 и 2024 гг.
в разрезе места проживания**

Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2019, 2024 гг.

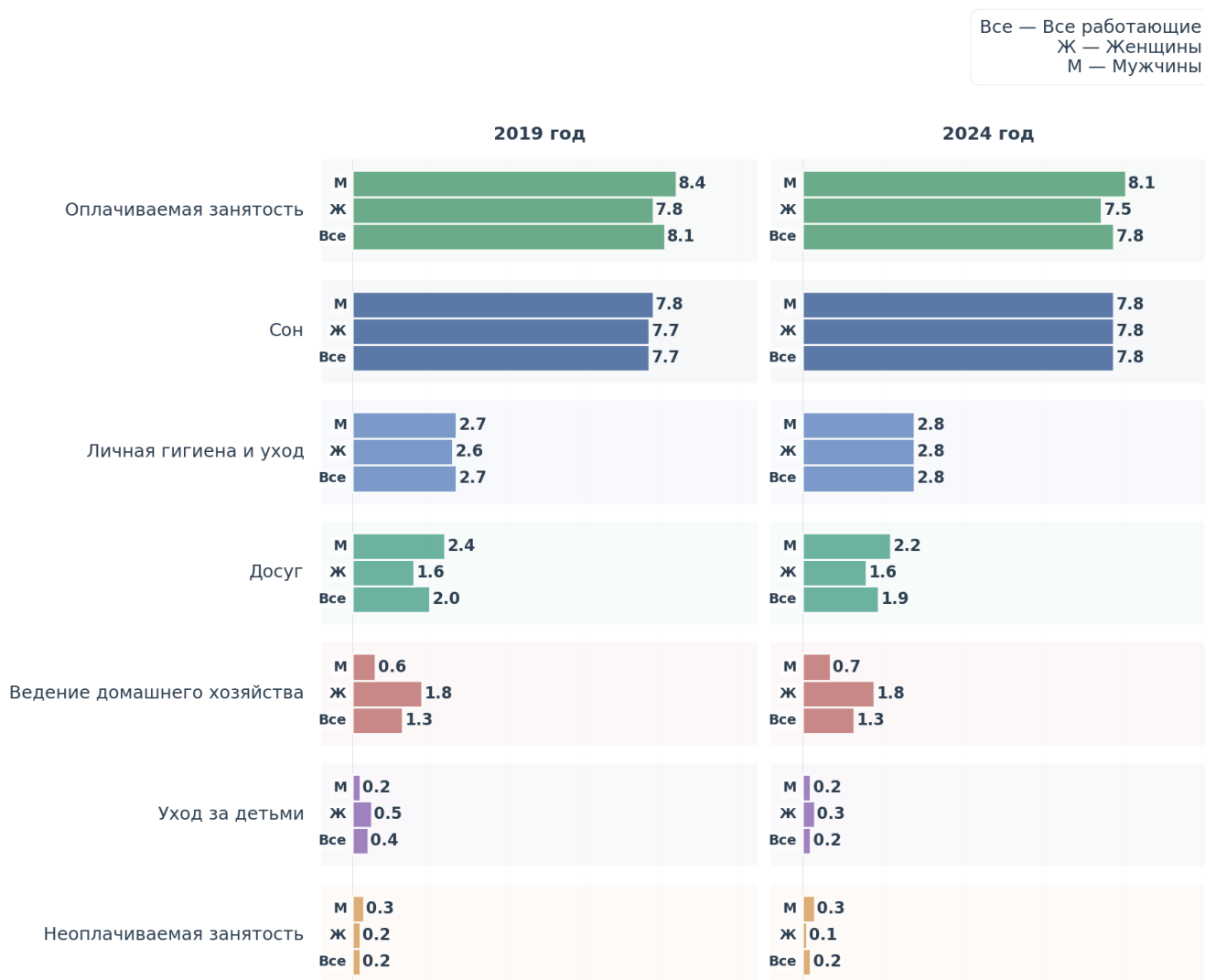
Возрастно-половая структура: сравнение волн обследования 2019 и 2024 гг. в разрезе количества совместно проживающих детей в возрасте 0-14 лет

Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2019, 2024 гг.

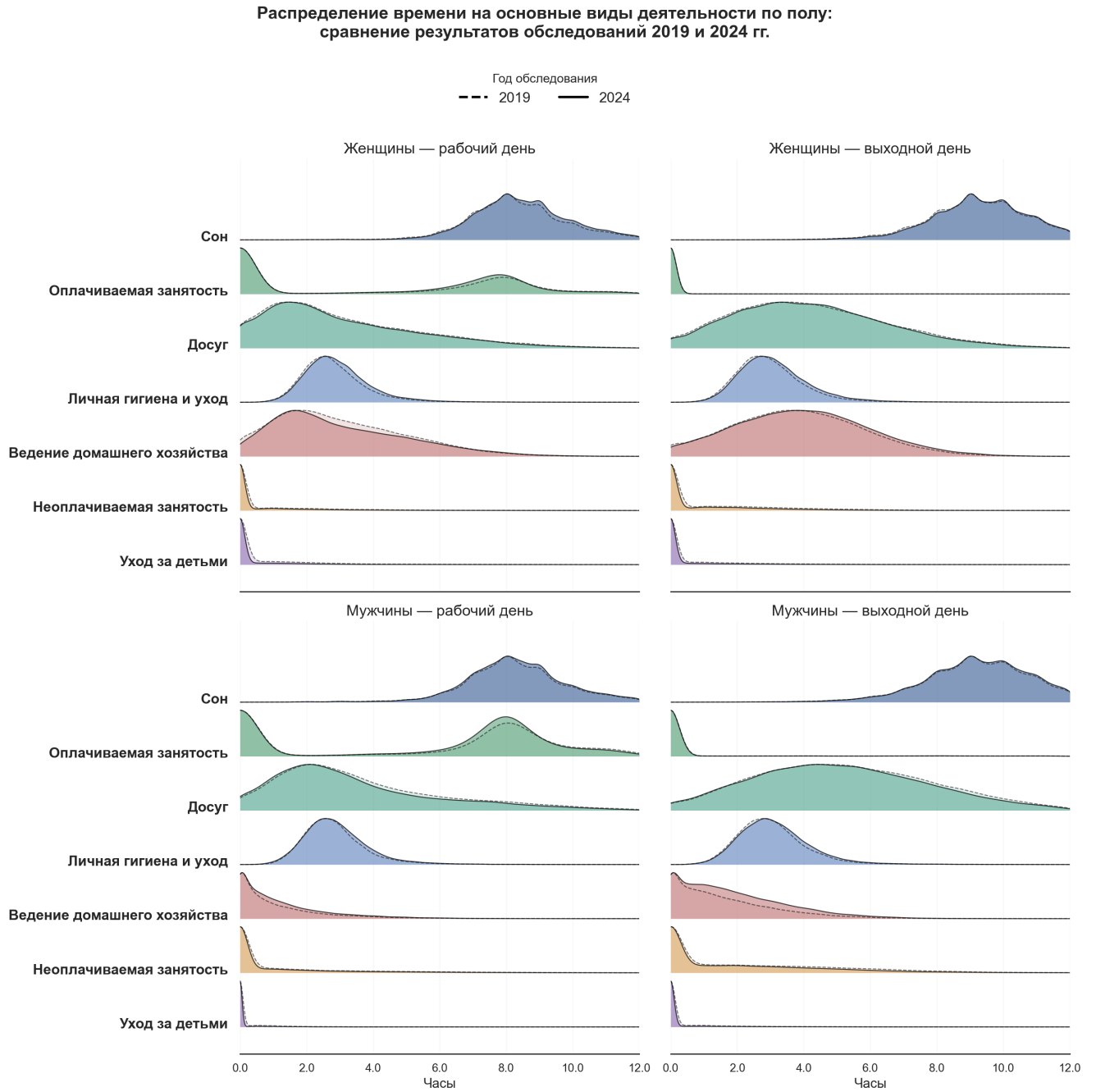
Приложение 3. Усредненная структура распределения времени по видам деятельности для занятых на рынке труда индивидов

Усредненная структура распределения времени по видам деятельности: работающие индивиды

Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2019, 2024 г., рабочий день (часы)

В разрезе пола и типа дня, 2019–2024 гг.

Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2019, 2024 гг.

Приложение 5. Результаты оценки модели на выборках рабочего и выходного дней с дифференциацией досуговых видов деятельности

Переменные\выборка	Рабочий день	Выходной день
Индикаторы:	Факторные нагрузки	
Оценка состояния здоровья (health)	0.709	0.750
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.257	0.229
Образование (education)	0.350	0.336
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)	
Возраст (age)	-0.023*** (0.001)	-0.014*** (0.001)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000*** (0.000)	0.000*** (0.000)
Пол (gender)	0.02*** (0.007)	0.05*** (0.007)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.036*** (0.004)	-0.027*** (0.004)
Место проживания (territory)	0.156*** (0.006)	0.142*** (0.007)
Семейное положение (marital status)	0.067*** (0.008)	0.056*** (0.008)
Оплачиваемая занятость (work)	0.07*** (0.004)	-0.019*** (0.006)
Оплачиваемая занятость ² (work_sqrt)	-0.006*** (0.000)	0.000 (0.001)
Виды деятельности, связанные с бытом (home_block)	-0.037*** (0.004)	-0.001 (0.004)
Виды деятельности, связанные с бытом ² (home_block_sqrt)	0.002*** (0.000)	-0.002*** (0.000)
Виды деятельности, связанные с восстановлением (recovery_block)	0.052*** (0.013)	-0.013 (0.015)
Виды деятельности, связанные с восстановлением ² (recvry_blk_sqrt)	-0.004*** (0.001)	0.000 (0.001)
Активные формы досуга (active)	0.085*** (0.008)	0.041*** (0.006)
Активные формы досуга ² (active_sqrt)	-0.016*** (0.002)	-0.007*** (0.001)
Пассивные формы досуга (passive)	-0.02*** (0.005)	-0.015*** (0.005)
Пассивные формы досуга ² (passive_sqrt)	-0.005*** (0.001)	-0.003*** (0.001)
Социальные формы досуга (social)	-0.001 (0.006)	-0.006 (0.005)
Социальные формы досуга ² (social_sqrt)	-0.003** (0.001)	0.001 (0.001)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.985	0.987
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.976	0.979
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.083	0.078
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.032	0.03
Количество наблюдений	63745	63700

Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

Приложение 6. Результаты оценки модели на выборках, разделенных по возрастным группам

Переменные\выборка	Молодой возраст (20–40)	Средний возраст (41–65)	Старший возраст (65+)
Индикаторы:	Факторные нагрузки		
Оценка состояния здоровья (health)	0.104	0.44	0.473
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.871	0.429	0.185
Образование (education)	0.166	0.416	0.371
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)		
Возраст (age)	0.009*** (0.002)	-0.029*** (0.007)	-0.022 (0.016)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000*** (0.000)	0.000* (0.000)	0.000 (0.000)
Пол (gender)	0.009*** (0.002)	-0.046*** (0.008)	0.071*** (0.012)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.038*** (0.004)	-0.079*** (0.005)	-0.001 (0.009)
Место проживания (territory)	0.017*** (0.002)	0.196*** (0.007)	0.167*** (0.011)
Семейное положение (marital status)	0.028*** (0.003)	0.08*** (0.008)	0.074*** (0.014)
Оплачиваемая занятость (work)	0.001 (0.001)	0.051*** (0.004)	0.113*** (0.01)
Оплачиваемая занятость ² (work_sqrt)	0.000** (0.000)	-0.006*** (0.000)	-0.009*** (0.001)
Ведение домашнего хозяйства (household)	0.004*** (0.001)	-0.029*** (0.006)	0.036*** (0.009)
Ведение домашнего хозяйства ² (household_sqrt)	-0.001*** (0.000)	-0.001 (0.001)	-0.004*** (0.001)
Неоплачиваемая занятость (unpaid)	-0.008*** (0.002)	-0.069*** (0.006)	-0.016** (0.008)
Неоплачиваемая занятость ² (unpaid_sqrt)	0.001*** (0.000)	0.004*** (0.001)	-0.001 (0.001)
Уход за детьми (child)	-0.012*** (0.002)	-0.054*** (0.013)	0.015 (0.05)
Уход за детьми ² (child_sqrt)	0.001*** (0.000)	0.005** (0.002)	0.000 (0.01)
Досуг (free)	0.002** (0.001)	0.002 (0.005)	-0.004 (0.008)
Досуг ² (free_sqrt)	0.000*** (0.000)	-0.005*** (0.001)	-0.003*** (0.001)
Личная гигиена и уход за собой (basic needs)	0.000 (0.001)	-0.025*** (0.008)	-0.038*** (0.014)
Личная гигиена и уход за собой ² (basic needs_sqrt)	0.000 (0.000)	-0.001 (0.001)	-0.002 (0.002)
Сон (sleep)	-0.006** (0.003)	-0.031** (0.013)	-0.061*** (0.022)
Сон ² (sleep_sqrt)	0.000 (0.000)	0.000 (0.001)	0.001 (0.001)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.763	0.973	0.988
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.627	0.957	0.981
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.067	0.068	0.061
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.028	0.03	0.029
Количество наблюдений	18574	28643	16528

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

Приложение 7. Результаты оценки модели для мужчин и женщин

Переменные\выборка	Мужчины	Женщины
Индикаторы:	Факторные нагрузки	
Оценка состояния здоровья (health)	0.71	0.705
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.305	0.228
Образование (education)	0.306	0.382
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)	
Возраст (age)	-0.03*** (0.002)	-0.017*** (0.002)
Возраст ² (age sqrt)	0.000 (0.000)	0.000*** (0.000)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.04*** (0.006)	-0.03*** (0.005)
Место проживания (territory)	0.163*** (0.011)	0.153*** (0.008)
Семейное положение (marital status)	0.008 (0.014)	0.083*** (0.009)
Оплачиваемая занятость (work)	0.075*** (0.006)	0.065*** (0.005)
Оплачиваемая занятость ² (work sqrt)	-0.007*** (0.000)	-0.006*** (0.000)
Ведение домашнего хозяйства (household)	-0.016 (0.01)	-0.04*** (0.007)
Ведение домашнего хозяйства ² (household sqrt)	-0.003 (0.002)	0.002** (0.001)
Неоплачиваемая занятость (unpaid)	-0.045*** (0.008)	-0.042*** (0.008)
Неоплачиваемая занятость ² (unpaid sqrt)	0.002** (0.001)	0.003** (0.001)
Уход за детьми (child)	-0.062*** (0.021)	-0.021** (0.009)
Уход за детьми ² (child sqrt)	0.006 (0.005)	0.002* (0.001)
Досуг (free)	-0.006 (0.008)	0.033*** (0.006)
Досуг ² (free sqrt)	-0.004*** (0.001)	-0.007*** (0.001)
Личная гигиена и уход за собой (basic needs)	-0.066*** (0.012)	-0.005 (0.01)
Личная гигиена и уход за собой ² (basic needs sqrt)	0.001 (0.001)	-0.003** (0.001)
Сон (sleep)	-0.039** (0.019)	0.053*** (0.016)
Сон ² (sleep sqrt)	-0.001 (0.001)	-0.005*** (0.001)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.981	0.988
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.969	0.981
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.092	0.077
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.037	0.031
Количество наблюдений	24118	39627

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

Приложение 8. Результаты оценки модели на выборках, состоящих из многодетных семей и семей с одним родителем

Переменные\выборка	Многодетные семьи	Неполные семьи
Индикаторы:	Факторные нагрузки	
Оценка состояния здоровья (health)	0.214	0.153
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.329	0.547
Образование (education)	0.522	0.463
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)	
Возраст (age)	0.029*** (0.011)	0.013*** (0.003)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000*** (0.000)	0.000*** (0.000)
Пол (gender)	-0.081*** (0.028)	0.064*** (0.019)
Количество членов домохозяйства (family)	0.024 (0.046)	-0.037*** (0.008)
Место проживания (territory)	0.094*** (0.021)	0.075*** (0.013)
Семейное положение (marital_status)	0.023 (0.039)	0.113*** (0.035)
Количество совместно проживающих детей до 15 лет (ch)	0.041** (0.017)	-0.021** (0.009)
Отн. время на оплачиваемую занятость (work)	0.012* (0.007)	0.011*** (0.003)
Отн. время на ведение домашнего хозяйства (household)	-0.027*** (0.01)	-0.018*** (0.005)
Отн. время на уход за детьми (child)	-0.01 (0.006)	0.000 (0.002)
Отн. время на досуг (free)	0.013* (0.008)	0.01*** (0.003)
Отн. время на личную гигиену и уход за собой (basic needs)	-0.01 (0.017)	0.026*** (0.008)
Отн. время на неоплачиваемую занятость (unpaid)* *для неполных семей в абсолютных величинах	-0.046*** (0.01)	-0.022*** (0.007)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.948	0.971
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.916	0.954
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.063	0.07
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.029	0.037
Количество наблюдений	1701	3586

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

Приложение 9. Результаты оценки модели на выборках, состоящих из семейных пар

С преобразованными временными регрессорами (отношение времени на *i*-ую активность к времени на сон)

Мужчины		Женщины	
Индикаторы:	Факторные нагрузки	Индикаторы:	Факторные нагрузки
Оценка состояния здоровья (health)	0.726	Оценка состояния здоровья (health)	0.649
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.197	Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (income)	0.218
Образование (education)	0.323	Образование (education)	0.332
Регрессоры:	Оценки коэф. (Станд. ошибки)	Регрессоры:	Оценки коэф. (Станд. ошибки)
Возраст (age)	-0.025*** (0.004)	Возраст (age)	-0.016*** (0.003)
Возраст ² (age_sqrt)	0.000 (0.000)	Возраст ² (age_sqrt)	0.000*** (0.000)
Количество членов домохозяйства (family)	-0.01 (0.012)	Количество членов домохозяйства (family)	-0.017 (0.012)
Место проживания (territory)	0.125*** (0.015)	Место проживания (territory)	0.158*** (0.014)
Совместно проживающие дети 0-14 (have_ch)	0.056*** (0.016)	Совместно проживающие дети 0-14 (have_ch)	0.024 (0.016)
Отн. время на работу (h_work)	0.089*** (0.005)	Отн. время на работу (w_work)	0.042*** (0.005)
Отн. время на ведение домашнего хозяйства (h_household)	0.018*** (0.006)	Отн. время на ведение домашнего хозяйства (w_household)	-0.032*** (0.009)
Отн. время на неоплачиваемую занятость (h_unpaid)	0.013** (0.006)	Отн. время на неоплачиваемую занятость (w_unpaid)	-0.023*** (0.006)
Отн. время на досуг (h_free)	0.016* (0.009)	Отн. время на уход за детьми (w_child)	-0.017** (0.008)
Отн. время на личную гигиену и уход за собой (h_basic_needs)	-0.046** (0.019)	Отн. время на досуг (w_free)	0.007 (0.007)
Отн. время жены на работу (w_work)	-0.016*** (0.005)	Отн. время на личную гигиену и уход за собой (w_basic_needs)	0.031* (0.019)
Отн. время жены на ведение домашнего хозяйства (w_household)	-0.038*** (0.009)	Отн. время мужа на работу (h_work)	0.028*** (0.005)
Отн. время жены на неоплачиваемую занятость (w_unpaid)	-0.051*** (0.006)	Отн. время мужа на ведение домашнего хозяйства (h_household)	0.001 (0.006)
Отн. время жены на уход за детьми (w_child)	-0.042*** (0.008)	Отн. время мужа на неоплачиваемую занятость (h_unpaid)	-0.021*** (0.006)
Отн. время жены на досуг (w_free)	0.015* (0.008)	Отн. время мужа на досуг (h_free)	0.009 (0.008)

Отн. время жены на личную гигиену и уход за собой (w basic needs)	0.042** (0.019)	Отн. время мужа на личную гигиену и уход за собой (h basic needs)	-0.006 (0.018)
Время на уход за детьми (h_child – в абс. величинах)	0.006 (0.015)	Время мужа на уход за детьми (h_child - в абс. величинах)	-0.007 (0.014)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.975	Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.974
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.961	Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.959
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.098	Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.098
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.049	Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.049
Количество наблюдений	14682	Количество наблюдений	14682

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.

С показателями общей загруженности пары i-ым видом деятельности и разностью временных затрат между мужем и женой

Переменные\выборка	Мужчины	Женщины
Индикаторы:	Факторные нагрузки	
Оценка состояния здоровья (h health/w health)	0.733	0.654
Доход в единицах стоимости фиксированного набора товаров и услуг (h income/w income)	0.191	0.210
Образование (w education/h education/)	0.322	0.333
Регрессоры:	Оценки коэффициентов (Стандартные ошибки)	
Возраст (h age/w age)	-0.023*** (0.004)	-0.014*** (0.003)
Возраст ² (h age sqrt/w age sqrt)	0.000** (0.000)	0.000*** (0.000)
Количество членов домохозяйства (h family/w family)	-0.01 (0.012)	-0.016 (0.012)
Место проживания (h territory/w territory)	0.127*** (0.015)	0.155*** (0.014)
Совместно проживающие дети до 15 лет (have ch)	0.043*** (0.016)	0.015 (0.015)
Среднее время на оплачиваемую занятость (work mean)	-0.016** (0.007)	-0.022*** (0.007)
Разница во временных затратах на оплачиваемую занятость (муж - жена) (work diff)	-0.015*** (0.005)	-0.015*** (0.005)
Среднее время на ведение домашнего хозяйства (household mean)	-0.047*** (0.009)	-0.073*** (0.009)
Разница во временных затратах на ведение домашнего хозяйства (муж - жена) (household diff)	-0.02*** (0.006)	-0.006 (0.006)
Среднее время на уход за детьми (child mean)	-0.067*** (0.015)	-0.066*** (0.015)
Разница во временных затратах на уход за детьми (муж - жена) (child diff)	-0.022** (0.01)	-0.016* (0.009)
Среднее время на неоплачиваемую занятость (unpaid mean)	-0.071*** (0.008)	-0.076*** (0.008)
Разница во временных затратах на неоплачиваемую занятость (муж - жена) (unpaid diff)	0.000 (0.007)	-0.003 (0.006)
Среднее время на досуг (free mean)	-0.036*** (0.007)	-0.055*** (0.007)
Разница во временных затратах на досуг (муж - жена) (free diff)	-0.043*** (0.005)	-0.01* (0.005)
Среднее время на личную гигиену и уход за собой (basic needs mean)	-0.041*** (0.01)	-0.036*** (0.01)
Разница во временных затратах на личную гигиену и уход за собой (муж - жена) (basic neds diff)	-0.046*** (0.008)	-0.018** (0.008)
Среднее время на сон (sleep mean)	-0.032*** (0.008)	-0.034*** (0.008)
Разница во временных затратах на сон (муж - жена) (sleep diff)	-0.045*** (0.006)	-0.012* (0.006)
Индекс сравнительного соответствия (CFI)	0.966	0.964
Индекс Такера-Льюиса (TLI)	0.946	0.943
Среднеквадратическая ошибка (RMSEA)	0.093	0.092
Стандартизированный среднеквадратический остаток (SRMR)	0.044	0.045
Количество наблюдений	14683	14683

Примечание: * – значимость на уровне 10%, ** – значимость на уровне 5%, *** – значимость на уровне 1%. Источник: составлено автором на данных Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением, 2024 г.